

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Матс Ульссон

НАКАЗАТЬ И ДАТЬ УМЕРЕТЬ

ЭТО НЕ ВЕСЕЛАЯ КНИГА.

Ульссон, конечно же, тоже так считает.

Это чувствуется по тому, как он острит на тему смерти.

Журналист, специализирующийся на музыке и спорте,

Ульссон — ценитель старых американских детективов,

и в частности романов Реймонда Чандлера.

И пишет он шикарно.

DAST

Начало серии детективных романов
о журналисте Харри Свенссоне.

Впервые на русском языке!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Возвращаясь в свой номер в одном из отелей Мальмё после неудачного ночного приключения, Харри Свенссон обнаруживает соседнюю дверь приоткрытой. Из любопытства он заглядывает в номер. На постели громко храпит мужчина – известный певец, с которым Харри встречался накануне вечером. Рядом с ним – мертвая женщина со следами истязаний на теле.

Итак, бывшему журналисту Харри Свенссону, только что оставившему газету ради ресторанного бизнеса, попадает в руки сенсационный материал. Харри расследует личность неизвестной жертвы и берет интервью у певца, который надеется таким образом снова привлечь к себе внимание публики.

Харри тоже рискует оказаться в лучах софитов, потому что несколько месяцев спустя похожее преступление совершается в Гётеборге. На этот раз жертвой оказывается женщина, с которой Харри встречался в Мальмё. Обыкновенное свидание, если не считать, что Харри, как и эта женщина, любит посещать БДСМ-залы.

Теперь Харри охотится за серийным убийцей, причем самому «охотнику» есть что скрывать. Не вся правда должна выйти наружу.

«Наказать и дать умереть» – первая часть серии детективных романов о журналисте Харри Свенссоне.

Впервые на русском языке!

Матс Ульссон

Наказать и дать умереть

Мне становится страшно, когда я вспоминаю слишком много.

Под Стюарт. Lady Day

Mats Olsson

STRAFFA OCH LETA DЦ

Copyright © Mats Olsson 2014

Published by arrangement with Salomonsson Agency

All rights reserved

© О. Боченкова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Она хотела, чтобы ее отшлепали, только и всего.

Собственно, ничего необычного, но именно с этого все и началось.

А самое удивительное – я не сразу смекнул, что происходит.

Да и сама она, возможно, тоже.

Догадаться, что у нее на уме, было не так просто.

Ее лицо выражало то абсолютную уверенность, то высшую степень сомнения.

Хотела.

Возможно.

Совершенно точно.

Нет.

Да.

Разумеется, нет!

Не-а.

Ну...

Я всегда понимал их с первого взгляда, с первой улыбки, прежде чем они сами успевали сообразить, что к чему. Но только не в этом случае. И пока «американские горки» набирали высоту, я сидел спокойно, ожидая, когда наш вагончик достигнет пика и настанет пора мертвой хваткой вцепиться в поручень.

Я всегда знаю, чего хочу, и никогда не беру билет на «американские горки», не изучив характера траектории и конструкцию вагончиков. Но с ней все получилось иначе, и, будучи доминантом^[1] по натуре, я позволил ей взять надо мной верх и добровольно влез в шкуру ягненка, которого ведут на заклание.

Или уж, скорее, козла.

Но не только это погубило меня.

Я дал промашку, оказался тугодумом.

Когда спохватился, было поздно. А ведь я занимался боксом, пусть и очень давно, и не мог не знать, что достаточно расслабиться лишь на мгновение, чтобы в следующую секунду оказаться в нокауте.

И здесь, как нельзя кстати, оказался защитный шлем.

Помимо всего прочего, я привык полностью контролировать ситуацию, и редко кому удавалось сбить меня с ног.

Я следовал правилу футбольного тренера Ларса Лагербека: ни малейшего упущенного шанса для молниеносной атаки.

Возможно, на службе я иногда и шел на поводу у обстоятельств, но только не в этом деле.

Собственно, поначалу я не заметил опасности и вел себя как доминант.

Даже если события нельзя предвидеть на сто процентов, к неожиданностям можно подготовиться, хотя бы попытаться.

Я подготовился, когда понял, чего она хочет. Пункт за пунктом пробегал глазами так хорошо известный мне список. Я ведь сам составлял его.

Все должно было пройти как по маслу.

Все полетело к черту.

Не исключено, что виной тому знакомство через Интернет.

Я не знаю.

Ни у кого не возникло бы сомнения, что это конец.

А между тем это было только начало.

Стокгольм, октябрь

Женщину, которая страстно желала или не желала вовсе, чтобы ее отшлепали, звали Ульрика Пальмгрен.

Она жила в Мальмё и занималась продажей вина.

На конференции в Стокгольме я сидел напротив нее, но более-менее познакомился с ней только через Интернет. Скорее менее, чем более.

Сам не пойму, почему мне вдруг расхотелось работать журналистом. Возможно, виной тому – моя вечная непоседливость или неуверенность в будущем печатного слова. Я не находил ему места в окружающей меня жизни.

Так же трудно объяснить, почему мне вздумалось потратить выходное пособие на открытие ресторана. Хотя, просидев полжизни в кабаках, я имел основания надеяться, что кое-что понимаю в этом деле.

Откуда она обо мне узнала – еще одна загадка. Но когда Ульрика Пальмгрен прибыла в Стокгольм, чтобы продать вино, произведенное рок-певцом, имя которого мне ни о чем не говорило, я значился в списке ее потенциальных покупателей.

В дневные часы бар отеля «Англе» на Стюреплан напоминает детский сад для взрослых. Здесь встречаются, отсюда звонят и переписываются по мейлу все, кому негде больше этим заняться. Раньше про таких говорили: «Носит свой офис в кармане».

Ульрика Пальмгрен расположилась в углу, с полным бутылок деревянным ящичком, и разложила на столе брошюры. Пробуя ее товар, один сорт кислее другого, я понадеялся, что в части музыки рок-певец преуспел больше, чем в виноделии. Время от времени я глядел в окно на стокгольмскую осень, подавляя желание немедленно побежать в Хумлегорден и попинать ногами шуршащие листья. Хотя это и несерьезно для мужчины моего возраста. Во всяком случае, для будущего ресторатора.

– Мы собираемся поужинать в «Рич», – сообщила Ульрика Пальмгрен, убирая бутылки. – Вы тоже приглашены. Хотите?

Я предвидел, что дело примет такой оборот, и поэтому спустя несколько часов сидел на прекрасной ротонде с видом на Стюреплан и Биргер-Ярлсгатан. В компании Ульрики Пальмгрен и еще двоих мужчин, с которыми был едва знаком или не знаком вовсе. Во всяком случае, мы раскланивались при встречах и я читал о них и их заведениях в газетах и тематических блогах. Один встряхивал темными волосами до плеч и шепелявил, как гомик. Другой был обрит наголо и носил татуировку в виде якоря на внутренней стороне предплечья, хотя, вероятно, настоящие корабли видел только на картинках. И, словно в подтверждение аксиомы «вещи не всегда таковы, какими кажутся», выяснилось, что женоподобный тип содержал мясной ресторан в Сёдере, а брутальный «моряк» – кондитерскую, известную миниатюрными кексами, и теперь решил разнообразить сладкое меню экзотическими напитками. «Начать развиваться» – так он это называл. Они говорили о неизвестных мне людях и о Микаэле Биндефельде^[2], вкусу которого можно доверять, – подробностей не помню, я слушал невнимательно.

Я взял говяжью отбивную, старый, классический вариант, какой подавали в «Виктории» на Кунгстредгордене в семидесятые годы, – с пюре, яичным желтком, тертым хреном и ломтиком мяса, тонким, как осенний лист. Ульрика Пальмгрен выбрала вино под названием

«Пик дьявола», не имеющее, насколько я понял, никакого отношения ни к Кейптауну, ни к роману Деона Мейера.

– У них был хит на эту тему. – Она кивнула на бутылку и напела мелодию из репертуара группы, в которой одно время выступал производитель ее вина: – *If you came into my arms, i'll take you to the devil's peak...*^[3]

Они больше не пишут таких текстов.

Я не мог сказать, что именно изменилось в Ульрике к вечеру, поскольку во время дегустации в баре отеля не обращал внимания на ее внешность, занятый открывающимся из окна видом осенней улицы. Однако запомнил элегантные темные брюки, белую блузку и жакет, похожий на джинсовый, хотя, вероятно, из более дорогой ткани. Каптановые волосы были убраны в хвост, но на правую щеку падали выбившиеся пряди. Время от времени Ульрика Пальмгрен поправляла их и приглаживала прическу, скорее рефлекторно, а не потому, что волосы мешали. На вид ее возраст приближался к пятидесяти – крохотные обаятельные морщинки в уголках глаз, торжествующая улыбка и поблескивающий между грудей серебряный ключик на изящной цепочке.

Вскоре и вино, и ее спутники перестали меня интересовать. Я застыл, не в силах оторвать взгляд от Ульрики Пальмгрен. Иногда достаточно просто сидеть и смотреть на женщину, чтобы жизнь на какое-то время показалась сносной.

Полагаю, я уронил себя в ее глазах, когда попросил у Стефана – лысого бармена – бокал тягучего австралийского вина вместо ее «Пика», но, когда ужин закончился и те двое исчезли, каждый в своем направлении, я помогал ей надеть пальто.

– Вы не слишком-то разговорчивы, – заметила она. – За вечер не проронили ни слова.

Я пожал плечами:

– Я молчу, когда мне нечего сказать. Иногда, особенно если выпью много кофе, люблю поболтать, но чаще сижу и размышляю.

– И о чем же на этот раз? – поинтересовалась она.

– О ключе на вашей цепочке. Он от вашего сердца?

– Остроумно, – рассмеялась она.

И была права. Я не думал ни о чем подобном, но к чему-то этот ключ должен был подойти.

– Завтра в семь утра я вылетаю в Мальмё из Броммы^[4]. Времени не так много, но... могу я пригласить вас на бокал вина перед сном?

– Только не от рок-певца, – строго предупредил я.

Она рассмеялась, совершенно очаровательно, и вскоре мы снова сидели в баре отеля «Англе», и Ульрика ничего не имела против, когда я заказал двойной мохито и терпкую, вонючую граппу, между тем как сама она предпочла бокал белого вина, уже не помню, какого сорта, но точно не от рок-певца.

– Вы не слишком-то ему верны, – заметил я.

Она пожала плечами:

– Честно говоря... то вино нужно было продать. Сама я обычно пью что подешевле.

Потом заиграла ненавязчивая мелодия, и я в очередной раз представил себе диск-жокея, который сидит в кабинке и подбирает музыку. Насколько это сложно! Старушка Шаде, Нора Джонс – все, что угодно, пусть даже эта ужасная Мелоди Гардо^[5], по которой, должно быть, каждый раз рыдает неупокоенная душа Билли Холидей.

Но у этого молодого человека, как видно, имелись проблемы со слухом, а может,

выбирать было не из чего. Так или иначе, все композиции оказывались совершенно не в тему.

– Вы действительно на редкость молчаливый тип, – повторила Ульрика. – Это признак внутренней силы, так? Или ее следствие, не помню, как говорят?

– Как ни говори – смысл один, – рассудил я.

Она сделала большой глоток, откинулась в кресле и заложила ногу за ногу. Тут я впервые увидел ее сапоги с высокой шнуровкой и на острых каблуках.

– Вам опасно перечить, – заметила она.

– Это почему?

– Мне так кажется.

Она улыбнулась, заглянула мне в глаза. Я отвел взгляд в сторону Хумлегордена.

Я не клюнул на удочку, потому что не знал, чего стоит приманка. Для одних подобные слова – пустой звук, для других – бомба замедленного действия, в любой момент готовая взорваться каскадом самых разных страстей – от любви до ненависти. Во всяком случае, я не увидел для себя опасности и пропустил замечание мимо ушей, хоть и расслышал слово «перечить». Вместо этого сосредоточился на мужчине, который только что косо приклеил афишу с портретом Томми Санделля к стенке уличного буфета, где продавали колбаски гриль.

– Не думаю, что кто-то на него пойдет, – кивнул я в сторону окна. – Он и в лучшие-то свои годы был невесть что.

– Он выступает по телевизору, – уважительно напомнила Ульрика.

– Кто только не выступает по телевизору, – возразил я.

– Тем не менее...

Мы допили каждый свое, после чего она нацарапала в блокноте мое имя и телефон и мы обменялись полувоздушными поцелуями в щечку, смысла которых я никогда не понимал. Она ушла к себе в номер, а я побрел через Стюреплан к автобусной остановке. Там тоже красовался Томми Санделль, и я удивился продолжительности его гастролей. Во время последнего турне он чуть ли не половину репертуара гнал под фонограмму. Ни для кого не секрет, что Санделль любит выпить. «Легенда шведского блюза» – гласила подпись под фотографией как минимум пятнадцатилетней давности. В списке из девятнадцати пунктов значились в основном сельские пабы, но, кроме них, и стокгольмский «Аккюрат», и «КВ» в Мальмё.

Я никогда его не ценил, хотя, возможно, относился к нему предвзято. Блюз для меня – нечто настоящее, благородное, но исполнение Томми Санделля «Noochie soochie man» по телевизору звучало как приглашение к хоровому пению, а когда он затянул «Got My Mojo Working»^[6] в Скансене, все тетушки, подростки, телевизионные шишки и звезды второй величины подвывали ему рефреном. Я не видел той программы, но, как журналист, хоть и бывший, знал о ней больше, чем нужно.

Время от времени я лицезрел Санделля в кабаках, но избегал его, опасаясь сказать ненароком что-нибудь обидное о болотах Луизианы, настоящем блюзе или о том, что существует же наконец Свен Зеттерберг! Свен Зеттерберг проник и в тайны блюза, и в тайны души человеческой так, как Томми Санделлю нипочем не удастся, даже если его ширять в спину острой палкой каждое утро в семь часов на протяжении трех лет.

Ко всему прочему в последнее время у меня развилась аллергия на широкие жесты и театральные позы. Томми же начал писать картины и даже мелькал с ними на телевидении, в расстегнутой мешковатой рубашке и широкополой шляпе, больше похожий на престарелого

автора-исполнителя, чем на блюзмена. Чуть позже мы все-таки столкнулись лицом к лицу в кабаке, и ни один из нас не подозревал, к чему приведет эта встреча.

Подошла «единица». Вообще-то, я привык ездить на пятьдесят шестом. Раньше по первому маршруту ходили скрипучие колымаги, создатели которых, похоже, не имели ни малейшего представления о рессорах. Однако с тех пор, как их заменили новенькими уютными моделями, стало без разницы.

Небо было чистым, и звезды за автобусными окнами казались надышанными на голубоватые стекла.

А через четыре дня после попойки в Стокгольме я получил электронное письмо с междометием «вау!» в поле «тема». В нем Ульрика Пальмгрен спрашивала, не желаю ли я приобрести немного вина от того самого рок-певца. На сей счет, как мне казалось, я выразился достаточно определенно. Впрочем, она писала не ради этого.

Вероятно, она рассчитывала на немедленный ответ. «Вау!» – словечко не из моего лексикона, но я объяснил Ульрике как мог вежливо, что не против встретиться, однако, поскольку моя винная карта еще не прошла стадию разработки, связывать себя теми или иными сортами считаю преждевременным. Кто знает, может, я вообще не откроюсь до лета, если откроюсь вообще. Не исключено также, сообщал я ей, что буду работать с ресторатором по имени Симон Пендер. Мы знакомы не первый год, и он пригласил меня помощником в заведение, которое арендует в Северо-Западном Сконе^[7].

Я не видел оснований для беспокойства. Денег, полученных в газете, должно хватить года на четыре безбедной жизни. Поэтому той осенью я встретился с несколькими поставщиками, а после спокойно ходил в кино, сидел в ресторанах, рылся в самых темных углах Всемирной сети и отвечал на мейлы Ульрики Пальмгрен.

Она писала почти каждый день, о себе и о своей жизни. Я поражался ее открытости и даже думал указать ей на то, что в плане конфиденциальности электронное письмо мало чем отличается от открытки: кто хочет, тот и прочитает.

Оказалось, что ей сорок шесть и она разведена. Дочь учится в Копенгагене.

После развода Ульрика Пальмгрен продала дом в Фальстербу и купила квартиру в центре Мальмё. Будучи замужем, она не работала. Но когда супруг-адвокат нашел себе «кое-что помоложе и посвежее», занялась виноторговлей.

Уже не помню, как ей удалось разбудить мое любопытство. Я вообще не имею привычки что-либо хранить: письма удаляю сразу по прочтении, с книгами поступаю примерно так же, а диски покупаю лишь затем, чтобы отдать кому-нибудь или выбросить, после того как некоторое время послушаю. Возможно, все началось с сериала «Дурман». С той серии в четвертом сезоне, где наркоторговку Нэнси Ботвин – героиню актрисы Мэри-Луиз Паркер – избивает в своем лимузине мэр мексиканского городка. Ульрика Пальмгрен описала мне эту сцену и добавила, что находит ее просто потрясающей.

Я ответил через три дня.

Я задумался, что означает это «просто потрясающая»? Приманка или невинное выражение эмоций?

Поскольку я заходил на соответствующие сайты и подписывался на новостные рассылки, мне не составило труда сделать подборку со сценами насилия в кинофильмах. Наконец я спросил Ульрику, смотрела ли она «Секретаршу» с покорной Мэгги Джилленхол и деспотом Джеймсом Спейдером, и услышал в ответ, что этот фильм тоже потрясающий.

И понеслось. Ульрика рассказала мне, сколько раз после развода собиралась уделить серьезное внимание своей склонности, но каждый раз откладывала из трусости или нерешительности. Ее привлекают телесные наказания, физические расправы. Она не понимает почему, но мысль о них ее возбуждает. Как-то раз Ульрика рассказала об этом супругу-адвокату, а также разъяснила, что он должен с ней сделать, если она когда-нибудь выведет его из себя, но он только посмеялся.

Оказалось, я знаю об этом больше, чем мог предположить. Я написал ей, что фантазии и действительность – две совершенно разные вещи. Что сейчас газетные страницы, как никогда, пестрят откровениями о «новых миссионерских позах», а сексологи испытывают подручные средства для причинения боли, как будто ни одна пара не может без них обойтись. Что об этом снимаются сериалы, фильмы и видео – тема, как видно, животрепещущая.

Еще в Стокгольме она поняла, что я в курсе проблемы и могу многое ей рассказать. Я действительно знал больше, чем мне было нужно, однако по мере углубления в суть вопроса нерешительность моя возрастала.

Вскоре я вообще перестал понимать, о чем идет речь.

Мальмё, октябрь

Старый служебный автомобиль стал частью моего выходного пособия.

День, когда я выехал на нем из Стокгольма на юг, выдался пасмурным и серым. Пригороды выглядели такими заброшенными, что я невольно сравнил их с территорией бывшего Советского Союза. Никогда там не был, но тем не менее.

В одних письмах Ульрика недвусмысленно давала понять, чего хочет. В других – совсем наоборот. Когда противоречия достигли пика, я объявил, что приеду в Мальмё. С этим делом надо разобраться на месте. На всякий случай я прихватил с собой хлопалку для ковров. Вещь нужная, как показал мой опыт, и почти не занимающая места.

Я никогда не использовал ее по прямому назначению. Оно казалось мне несовместимым с изящными линиями, изогнутыми в форме сердечка. Сплетенная из ротанга, она путешествовала в старом гитарном футляре. Я же чувствовал себя героем французского фильма семидесятых годов. Он назывался «Порка» и рассказывал о человеке, который по заказу избивал своих клиентов. Скучный фильм, но тем не менее, будучи семнадцатилетним юношей, я ходил на него по три раза в неделю. Тогда я жил в Лондоне, и деньги нужны были мне совсем на другое.

Возможно, существовала некая связь между тем, что я делал в те годы, и давнишними событиями моей жизни. Собственно, когда это было? Больше чем год или два назад. Как ее звали? Джессика или Джоанна? Может, Жозефина? Нет, точно Джессика. Она приехала в Стокгольм на конференцию. Все началось за барной стойкой, слово за слово, и закончилось в субботнее утро. Моя подружка выглядела обеспокоенной и без конца спрашивала, когда сойдут синяки.

– Мне будет трудно объяснить это дома.

Она не предупредила, что замужем.

Тем не менее она не была закомплексованной, старалась понять себя и свои чувства и не ощущала за собой никакой вины. Ею двигала жажда приключений.

Все-таки Джоанна.

Или нет, Джессика.

В общем, иностранка.

Погрузившись в воспоминания, я не заметил, как превысил скорость, и опомнился только севернее Линчёпинга, будучи остановлен женщиной-полицейским.

– Слишком быстро, – заметила она, выходя из машины.

– Задумался, – оправдывался я.

«Задумчивость» обошлась мне в две с половиной тысячи крон.

Прибыв в Мальмё, я снял номер в «Мэстере Юхане», что в районе Гамла-Вэстер. Мне пришло в голову, что мы с Ульрикой можем встретиться в холле отеля и перекусить в «Бастарде» или, по крайней мере, принести оттуда выпивку. «Бастард» открылся относительно недавно и был из числа ресторанов, где поросенка употребляют целиком, от ушей до кончика хвоста. Можно заказать свиные миндалины с корицей и сахаром в качестве закуски или украсить коктейльную соломинку свиным глазом эффекта ради. Так я слышал.

Оба мы растерялись при встрече, не знали, что уместнее: обняться или приветствовать друг друга детским поцелуем в щечку, казавшимся еще более странным в такой ситуации.

Во всяком случае, для нее.

Она нервничала, делано смеялась.

Наконец взяла меня под локоть, и мы отправились в «Бастард».

Теплый пряный аромат ударил в нос, лишь только мы открыли дверь. И первым, кого я увидел, был Томми Санделль.

Вернее, это он меня заметил и закричал:

– Свенссон! Харри Свенссон! Ты-то как сюда попал? И кто эта очаровательная молодая дама? – Он сидел слева от входа за большим столом, заставленным бокалами и бутылками с вином в обществе подвыпившей женщины. – Ах, Свенссон... – повторил он, приблизившись к нам на нетвердых ногах, и пожал мне руку.

– Ах, Санделль... – в тон ему отозвался я, но он уже утратил ко мне всякий интерес, сосредоточившись на моей спутнице.

– Кто эта очаровательная дама? – допытывался Томми Санделль, целуя Ульрике руку. – О, как я люблю женские ручки! Чем был бы этот мир без них?

Ульрика казалась польщенной.

На Санделле красовалась шляпа с широкими полями, потертые джинсы, ботинки, выглядевшие как дешевая копия лучшего бренда, и просторная белая блуза, расстегнутая почти до пупа. Его обычный прикид, дополненный на этот раз темными очками, которые съехали на самый кончик носа и в любой момент грозили соскользнуть.

– Какими судьбами в нашей деревне? – верещал Томми.

Он старался подражать сконскому диалекту, но в итоге выглядел совершенным идиотом, в стельку пьяным к тому же.

– Будешь играть? – поинтересовался я.

– Нет, но ты же знаешь, надо подзарядить блюзовые батареи и все прочувствовать для начала, ты знаешь, как это...

– Звучит многообещающе, – кивнул я.

– А сам-то ты, Свенссон... – он кивнул на мой гитарный футляр, – сам-то играешь?

– Н-нет, не сейчас, – замотал головой я.

– Достань ее, – потребовал Томми, – и я буду ласкать ее, как женщину.

– Не сейчас, – настаивал я. – Мы хотим есть.

– Пей, и да изольются на тебя потоки Бахуса, – кивнул он. – А я возьму еще коньяка. Мы еще сыграем блюз, ночь долгая.

Он поковылял к столу и, прежде чем плюхнуться в кресло – под портретом молодого Джонни Кэша^[8] с сигарой во рту, – бросил воздушный поцелуй Ульрике. Его подвыпившая спутница держала в руке полный бокал и изо всех сил старалась не расплескать содержимое. Поэтому не отреагировала, когда Санделль положил руку на ее плечо.

– «Да изольются на тебя потоки Бахуса», – повторил я, направляясь к барной стойке. – Откуда это?

Между тем пришло время изучить фирменные предложения «Бастарда». Я нервно листал меню, тыча пальцем в «паштеты» и «рулеты», но вовсе не потому, что проголодался. Скорее, был возбужден. С неменьшей страстностью я перекачивал бы сейчас шарики для пинг-понга.

– Ты действительно играешь на гитаре? – поинтересовалась Ульрика на той разновидности сконского диалекта, которая у меня ассоциировалась с интеллектуальными футбольными звездами и рекламой.

- Нет.
- Тогда почему таскаешь с собой гитару?
- Там не гитара, – кивнул я на футляр.
- А что?
- Узнаешь или нет – зависит от тебя.
- От чего?
- От того, будешь ли ты мне перечить.
- Но ты же знаешь... – рассмеялась она. – Я выбрала на букву «О».

В свое время я отослал ей по мейлу список синонимов слова «перечить» и спросил, какой ей ближе: «быть непослушной», «дерзить», «озорничать»... Она назвала последнее.

Наше внимание привлек шум у входа. Администратор Томми Санделля Кристер Юнсон пытался вывести своего подопечного из зала. Я немного знал Кристера Юнсона. Когда-то он играл на бас-гитаре в разных группах, а последние несколько лет организовывал гастроли давно погасших звезд вроде Томми Санделля.

Если Санделль под старость и выглядел, и вел себя как автор-исполнитель, то внешность Юнсона за последние десятки лет ничуть не изменилась. Худошавый, с длинными темными волосами, он напоминал Рода Стюарта или Рона Вуда в молодости, когда «Фейсис» были если не самой успешной, то уж точно самой веселой рок-группой в мире. Кристер Юнсон носил кожаную куртку, черные джинсы, кроссовки и выцветшую футболку с классическим логотипом группы «Доктор Филгуд»^[9] – человеком с рожицей-смайликом, в солнечных очках и со шприцем.

Кристер Юнсон, похоже, уже оплатил счет и теперь пытался вытолкнуть Томми Санделля, который стоял в дверях с бутылкой вина в одной руке и бокалом в другой и разевал рот – видимо, пел. Голоса его мы не слышали: публика в зале слишком громко гудела.

Не знаю, чем пригрозил или соблазнил Кристер Томми, но компания в конце концов скрылась из виду. И когда мы с Ульрикой обсуждали ее кольцо в форме бабочки, у входа никого не было.

- Может, пойдём ко мне? – предложила Ульрика. – Это рядом, возле площади Густава.

Я заплатил, мы вышли и молча направились в сторону площади Густава Адольфа. Она взяла меня под руку.

Ульрика Пальмгрен жила в большом белом доме. Стиль – быть может, функционализм, я плохо в них разбираюсь. Пять лестничных пролетов – и мы оказались в просторной квартире с выходящими на площадь большими окнами, тремя комнатами и тесной кухонькой, которые по-английски называются «pentry». Мы сняли верхнюю одежду, и хозяйка пригласила меня в гостиную.

- И... что теперь будет?

Она стояла посреди комнаты с распущенными волосами, в темном платье до колен с пояском и в тех же сапогах, что и в Стокгольме.

Я приблизился, положил ей на плечи руки, а потом провел ладонью по спине, до самого низа.

- Это, например...

«Этого» оказалось мало. Она осторожно отвела мою руку, словно не желая тратить время на бестолковые нежности.

- Ты... ты не мог бы... я хочу... чтобы так, как...
- Куда нам спешить? – успокоил я ее.

Впрочем, я и сам не любил долгих прелюдий.

– Подожди здесь, – велела Ульрика и ушла в спальню.

Пока она рылась в платяном шкафу в другой комнате, я рассматривал вставленные в рамочки афиши на стенах. Все лучшее адвокат забрал себе, – писала она мне по мейлу. Я увидел диски Майлза Дэвиса и Рианны рядом с CD-проигрывателем – безусловно, показатель хорошего вкуса, во всяком случае среди поколения, которое не любит скачивать музыку в Интернете или не знает, как это делается.

Ульрика вернулась с пожарным шлемом в руках:

– Я хочу... чтобы ты надел это...

– Где ты его взяла? – удивился я.

– В «Блокете»^[10], – ответила она, как будто это слово объясняло все.

Я никогда не придавал большого значения маскарадам, был к ним равнодушен. В Лондоне я одно время встречался с женщиной, у которой в спальне стояла парта, а в гардеробе висела школьная форма и хранилась розга. Пока переодевалась она, все шло нормально, но когда она потребовала от меня натянуть шлем викинга, вломиться к ней в квартиру и изнасиловать, я пошел на попятную. Я не насильник, даже в фантазиях.

Итак, теперь я держал в руках пожарный шлем, и, похоже, самый настоящий.

– Попробуй, – кивнула на него Ульрика Пальмгрен. – Должно сработать.

Поскольку я не любитель маскарадов, мне следовало уйти уже тогда. Но я представил себе ее мягкое, теплое тело, вспомнил упругость ее ягодиц и надел шлем.

И почувствовал себя идиотом.

А Ульрика Пальмгрен вмиг преобразилась: выпучила глаза, прижала ладони к щекам и стала похожа на героиню немого фильма.

– Нет, это не я! – пропищала она.

– Что-что? – не понял я.

– Это были не мои спички!

– Не понимаю...

– Клянусь, я ни о чем таком не думала! Я не играла с ними. Пожалуйста, пожалуйста, миленький, не бей меня!

Тут я окончательно растерялся:

– Но...

– Или нет, ладно... накажи меня за то, что была такой непослушной дурой.

Тут я понял, что должен действовать. Ведь именно мне в этой игре отводилась ведущая роль, не так ли? Я схватил Ульрику, перегнул через спинку кресла, задрал ей платье. Она что-то лепетала про спички, но смолкла, стоило мне ее шлепнуть. На ней были нейлоновые чулки и подвязки с кружевом, и она лежала тихо, когда я стаскивал с нее трусики. Зрелище открылось соблазнительное, но я хотел взять и получить больше.

– Спички не игрушка, ты могла спалить дом, – заметил я, все еще не понимая, что делаю.

– Я знаю, прости.

Я шлепнул ее – раз, другой, третий. Я почувствовал жжение в ладони, а ее ягодица покраснела. Потом Ульрика расслабилась, словно начала получать удовольствие, и вдруг вскочила, натягивая на себя трусики.

– Это что ты делаешь, черт возьми? – прошипела она.

Платье соскользнуло с плеч и упало на пол.

– Я...

И тут я получил кулаком в лоб. Это произошло внезапно, я не видел, чтобы она замахивалась. Будто у нее внутри вдруг разжалась пружина.

Собственно, удар не был сильным, но я поскользнулся на ковре и упал навзничь, стукнувшись о ножку кровати. Хорошо, что на мне был шлем!

Мне достаточно легкой пощечины, чтобы из носа пошла кровь, поэтому я и бросил бокс. И сейчас можно даже не щупать руками лицо, и так понятно – хляби разверзлись.

– Ты больной! – кричала Ульрика. – Убирайся!

Эти слова стали для меня еще большей неожиданностью. Я поднялся на ноги. Разве мы с ней не стремились к одному и тому же? Что же мы тогда обсуждали, о чем переписывались несколько месяцев? Я понимал только одно: пора сматывать удочки. Взял гитарный футляр, пальто и побрел к двери, которую она захлопнула за мной так, что эхо прокатилось по всему дому. Я ждал лифт, когда она снова возникла на лестничной площадке.

– Шлем! – закричала она. – Или ты решил его прикарманить? Он стоит триста семьдесят пять крон в «Блокете»!

Ульрика Пальмгрен схватила шлем и снова исчезла. Навсегда из моей жизни, как я тогда думал.

Хорошее правило – не попадать в травмпункт в пятницу вечером.

Больницы теперь не те, что были в моем детстве, – современные здания с окнами на всю стену. Но травмпункт – это травмпункт. Я просидел больше двух часов среди украшенных синяками подвыпивших подростков, пока надо мной не сжалилась молодая медсестра в марлевой маске.

Она засунула мне в ноздрю ватный тампон и залепила пластырем ранку над глазом. Должно быть, там сиял фиолетовый фонарь.

– Сильный удар. Что случилось?

– Резко развернулся и стукнулся о дверь туалета в отеле.

– Вы музыкант? – Она показала на гитарный футляр. – Должны были играть вечером?

– Была такая задумка, но пришлось отменить, – кивнул я.

Все остальные в очереди нуждались в помощи больше, чем я. Я устыдился, что вообще пришел сюда. Но медсестра подтвердила, что нос не сломан, и это меня утешило.

Я снова побрел вниз по Бергсгатан, не отдавая себе отчета куда и зачем. Когда проходил мимо рок-клуба «КВ», было уже около одиннадцати. В это время публика в зале менялась и он превращался в дискотеку. Я заметил на двери нацарапанную от руки записку.

Томми Санделль. Концерт переносится из-за болезни исполнителя

Ничего удивительного.

Мальмё, октябрь

Нигде не встречал настолько противного дождя, как в Мальмё. А порою, особенно такими осенними вечерами, как сегодняшний, в воздухе висит холодный туман. Дождь, которого нет. Ты не видишь капель, если эту взвесь вообще можно назвать каплями, но, проторчав на воздухе достаточно долго, вымокаешь до нитки.

Именно в такой вечер, точнее ночь, я стоял на Ларошегатан, рядом была Лилла-торг, с ее живописными бульжниками и дурацким абажуром в центре. Я разглядывал вывески газетных киосков и косился на свой нос. Вытер лицо и увидел на руке кровь. Пригладил волосы – то же самое. Повсюду кровь – вот она, моя жизнь.

Ноздри заткнуты ватой, по всей переносице – десятисантиметровый пластырь. Еще один аккуратный кусочек украшал мою бровь. Нос опух, хотя перелома не было. Кровь уже не текла ручьем, но продолжала сочиться, и некогда белоснежный воротник стал красным. Несмотря на элегантный костюм от японского дизайнера, выглядел я глупо.

На одну витрину каким-то образом затесался экземпляр «Bad» Майкла Джексона. Обычно подобные киоски рассчитаны на любителей традиционного рока, в стиле шестидесятых.

Катастрофический вечер.

Я должен со-сре-до-то-чить-ся.

Если мои радары вовремя не заметили опасности, все дело в Сети.

Я не противник Интернета, но ничто не заменит личного общения, взгляда, импульса. Только так и узнаешь человека. Остальное – обман.

В этот мрачный ноябрьский вечер на улицах было необыкновенно пусто – только за столиками возле ресторана еще сидели люди. После запрета на курение залы на свежем воздухе стали особенно популярны. Тем не менее посетителей наблюдалось немного. Верилось с трудом, что это заведение и есть знаменитый «TGF»^[11].

В холле отеля тоже не оказалось ни души. Даже не взглянув в сторону регистрационной стойки, я побрел в свой номер. Заметил, что одна дверь в коридоре открыта, но заглядывать не стал, прошел мимо нее. Отставил гитарный футляр и встретился взглядом с отражением в туалетном зеркале.

Я сменил рубашу, вытер кровь с подбородка и шеи, устроился в кресле и включил телевизор. Пятьдесят семь каналов, а смотреть нечего. Кажется, у Брюса Спрингстина^[12] есть песня об этом. С каждым годом – все актуальнее.

Выключив телевизор – модель дистанционного пульта оказалась настолько сложной, что пришлось обращаться за консультацией на ресепшен, – я выглянул в коридор. Комната на противоположной стороне по-прежнему открыта.

Я любопытен. Это необходимое в моей работе качество часто подводило меня. На этот раз оно овладевало мной постепенно и в конце концов вынудило выйти и постучать в дверь напротив (немного наискосок), чтобы... Не знаю, хозяин мог выйти и забыть ее захлопнуть, предоставив возможность кому угодно войти и взять что угодно. На каждой двери был автоматический доводчик, но здесь он, похоже, не сработал, а может, ему помешал выдвинутый язычок замка.

На ручке висела записка: «Просьба не беспокоить».

Внутри горел свет, кто-то храпел.

Довольно громко, но звук напоминал не раскатистое здоровое урчание, а хрипящий, простуженный хрип.

Мне следовало бы вернуться к себе, но вместо этого я приоткрыл дверь и осторожно переступил порог.

На первый взгляд номер ничем не отличался от моего: широкая кровать у стены, гардероб из темного дерева, телевизор такой же сложной конструкции на шкафчике для напитков, два окна с задернутыми гардинами и два кресла с белыми чехлами.

Кажется, здесь был праздник.

На полу валялось не меньше двадцати пивных банок вперемешку с битыми стаканами и пакетами из-под закуски.

На кровати храпел Томми Санделль, лежал на правой половине, ближе к окну.

Рядом спала женщина, и это удивило меня больше всего.

Она укуталась в одеяло и, похоже, даже не сняла платье. И это не та брюнетка, которую Томми обнимал в «Бастарде».

Лишь подойдя ближе, я увидел, что глаза ее открыты и смотрят в потолок.

В этот момент я понял, что она не дышит.

Томми Санделль, известный художник и музыкант, сопит как паровоз на кровати в отеле рядом с одетой мертвой женщиной.

Ее волосы цвета воронова крыла торчали в разные стороны, а из-под короткого жакета выглядывала футболка с изображением, вероятно, Деборы Харрис – я не мог разглядеть ее из-за одеяла.

Я много повидал на своем веку, но зрелище трупа было для меня в новинку.

Тем более вблизи.

В фильмах очевидцы подобных сцен прикладывают пальцы к яремной вене покойника, чтобы проверить пульс, в моем случае такой необходимости не возникло. Несмотря на полное отсутствие опыта, я ни на секунду не усомнился: женщина мертва.

На какое-то время мне показалось, что она смотрит на меня с укоризной, но вскоре стало ясно: это иллюзия, лицо жертвы бесстрастно. Я собрался закрыть ей глаза, но, опомнившись, решил ничего не трогать до прихода полиции.

Об этом, по-видимому, тоже должен позаботиться я?

Или лучше позвонить на ресепшен и сообщить, что в номере их гостиницы лежит труп?

А может, разбудить Томми Санделля?

Неужели он убил ее? Или она умерла от чего-то другого?

Из-за одеяла я не видел, во что одет Томми Санделль, но на полу возле кровати кучей лежало мужское белье, рубашка и брюки. У шкафа валялись два гитарных футляра, один был открыт, и в нем я увидел красный «Гибсон» – слишком хороший инструмент для такого музыканта, как Томми.

Итак, женщина мертва, Томми Санделль спит. «С полицией можно подождать», – рассудил я. И только тут почувствовал, что в комнате стоит невыносимая вонь. Судя по тому, что она доносилась со стороны Томми Санделля, музыкант сходил под себя.

Я прошмыгнул в свой номер за мобильником.

Фотограф из меня не очень, но я как мог снял кровать, затем крупным планом – женщину и Томми Санделля, белье, бутылки и гитару на полу и только потом набрал номер Карла-Эрика Юханссона.

Он был одним из немногих редакторов, кого еще заботило качество текстов, а не только количество кликов под тем или иным материалом на сайте газеты. Карл-Эрик ответил, и я понял, что разбудил его.

Все правильно. Ночью спят все: женщины, мужчины и дети, если, конечно, они не настолько маленькие, чтобы будить по ночам родителей, вынуждая их спорить до хрипоты, кому идти успокаивать малыша. Я не знал, сколько детей и жен было у Томми Санделля. А он, посапывая передо мной на кровати, в свою очередь, понятия не имел о том, кто лежит рядом и кто стоит над ним с мобильником в руке.

– А... и что тебе понадобилось среди ночи? – Карл-Эрик подавил зевок.

– Понимаешь, случилось кое-что...

– Вот, значит, как, – перебил он. – И это не может подождать до завтра?

– Ни за что не угадаешь, откуда я тебе звоню.

– Не буду и пытаться.

– Я стою в гостиничном номере Томми Санделля в Мальмё. Ты, конечно, знаешь, кто это.

– Знаю. И меня должно удивить то, что ты там стоишь? И так уж необходимо сообщать мне об этом посреди ночи? – Судя по всему, Карл-Эрик разозлился не на шутку.

– Удивительное в том, что рядом с Томми лежит мертвая женщина, – пояснил я.

В трубке стало тихо. Я почувствовал, как Карл-Эрик стряхнул с себя остатки сна и сел на кровати.

– Повтори, – произнес он изменившимся голосом.

– Возле Томми Санделля лежит мертвая женщина.

– А он? Жив?

– Спит. Больше мне сказать нечего.

– Давай-ка еще раз, – вздохнул Карл-Эрик. – Но прежде я хотел бы знать, почему ты так странно говоришь? У тебя вата в носу или ты простужен?

– Нос немного опух, ударился о дверь, – объяснил я. – Это я их первый заметил.

На некоторое время повисла тишина, в которой слышалось лишь равномерное посапывание Томми. Потом снова заговорил Карл-Эрик:

– Ты звонил в полицию?

– Нет, решил начать с тебя.

– Это Санделль ее убил?

– Не знаю, он спит. – Теперь настала моя очередь злиться. – Хочешь, разбужу его и спрошу? Его слова можно будет вставить в репортаж.

– Что за чепуху ты несешь?

– Я все заснял на мобильный. Ты знаешь, я завязал со своей работой, но если тебя интересует, так сказать, the full story... [\[13\]](#)

– Я больше не занимаюсь новостями, как тебе известно. Но ради такого случая кое-кому позвоню... Черт возьми, кончай валять дурака, вызывай полицию!

Я завершил разговор и набрал номер участка, после чего разбудил Томми.

Он не имел ни малейшего представления, где находится, тем не менее я записал его лепет – как говорится, «необходимый минимум показаний», – снял сидящим на постели с закрытым ладонями лицом и только после этого снова позволил ему завалиться. Судя по следам белого порошка вокруг носа – такого же опухшего, как и у меня, – пивом Томми не ограничился.

Я спустился в холл и рассказал о случившемся ночному портье, после чего сел в кресло, взял яблоко из вазы на столике и стал ждать полицию.

Туман на улице рассеялся, сменился самым настоящим ливнем. Холодные струи хлестали по камням мостовой, потоками стекали с высоких гостиничных окон.

Нос болел так, что грызть яблоко было почти невозможно. Но оно оказалось на редкость вкусным. «Грени смит», мой любимый сорт.

Мальмё, октябрь

Наконец появилась полиция – два человека в мокрых форменных пилотках.

Высокого мужчину звали Бёрье Классон, он говорил на смоландском диалекте. Женщина, Анна Перссон, судя по всему, местная уроженка. Она постоянно держала руку на кобуре.

Ночной портье, чей акцент выдавал выходца с Балканского полуострова, вызвал начальницу, заспанную женщину по имени Хелена, из-под пальто которой выглядывала пижама. После чего все впятером мы отправились на место предполагаемого преступления.

Томми Санделль все еще спал сном праведника. Мертвая женщина была в том же положении, в каком я ее оставил.

Пока Бёрье Классон общался с кем-то по рации, Анна Перссон расспрашивала меня, кто я такой, как оказался в Мальмё и что мне понадобилось в номере Томми. Потом она вышла на середину комнаты и кивнула на Санделля:

– Сейчас он не в форме, но узнаваем.

– Вполне, – согласился я.

– Вы тоже музыкант?

– Нет.

– Тогда зачем вам гитара?

– Для вида.

– Что с вашим носом, подрались?

– Ударился о дверь в туалете. Я был в травмпункте, а когда вернулся, увидел, что эта комната открыта.

Она кивнула, что-то отметила в блокноте и вышла в коридор.

Между тем полицейских прибывало.

Перекресток у отеля перекрыли, один из лифтов в отеле теперь обслуживал только полицию. Возле номера Томми Санделля несла вахту женщина в форме, но не Анна Перссон. Меня попросили вернуться к себе, вместо этого я спустился в холл и стал наблюдать за машинами с мигалками, из которых выходили новые и новые люди. Одни были в форме, другие – вероятно, юристы или криминалисты – в гражданском. Мужчин и женщин примерно поровну. Улочки в районе Гамла-Вэстер такие узкие, что пришлось отогнать на тротуар несколько полицейских автомобилей, чтобы дать дорогу «скорой помощи». К лифту побежали медики с парой носилок. На одних вынесли Томми Санделля. Вид у него был по-прежнему растерянный, хотя, заметив меня, он приветливо помахал рукой. Та, что лежала на других, никому не махала.

Ко мне приблизилась решительного вида женщина – высокая, в потертых джинсах, спортивных туфлях, светло-сером пальто до колен с наглухо застегнутым высоким воротом и в цилиндрической шляпке. Ей было между тридцатью и сорока, карие глаза смотрели на меня с любопытством.

– Это вы Хенри? – спросила она, близоруко глядяваясь в бумажку. – Или нет, Харри. Да, здесь написано «Харри...».

– Свенссон, – перебил я. – Харри Свенссон.

– А я Эва, – представилась она. – Поговорим здесь или поднимемся к вам в номер?

– Можно здесь.

Она опустила в соседнее кресло, вытянула ноги, тяжело вздохнула и несколько раз постучала по передним зубам ногтем указательного пальца.

– Что ж, пусть будет так. Вероятно, это долгая история. Или вам уже все ясно? Вы его знаете?

– Мм... – замылся я, – мне известно его имя, время от времени мы сталкивались с ним на протяжении нескольких лет, но не могу сказать, что я его знаю. Вчера вечером мы совершенно случайно встретились в «Бастарде». Я понятия не имел, что он собирается играть в Мальмё.

– Вы часто там обедаете?

– Где?

– В «Бастарде».

– Нет. Я даже не знаю, как правильно произносится это название: по-шведски «бастард» или по-английски: «бэ-эстрд».

Если речь Анны Перссон выдавала в ней уроженку Мальмё, то Эва говорила на диалекте, который я определил как более южный, что-то вроде Сведалы или ближе к Треллеборгу, – в общем, «девушка из деревни».

– Простите, – сказала она. – Меня зовут не просто Эва, а Эва Монссон. Я инспектор криминальной полиции здесь, в Мальмё. Что с вашим лицом?

– Порезался бритвой.

– Да... неприятная история. – Она недоверчиво заглянула мне в глаза.

– Шутка, – улыбнулся я. – На самом деле стукнулся о дверь в туалете, после того как побрился.

– Забыли, что там имеется ручка? – Она смотрела на меня не отрываясь. – Здесь есть кофе? Что-нибудь горячее и жидкое?

– Есть автомат, – кивнул я. – Вам с сахаром, со сливками?

– Черный, – ответила Эва Монссон.

Кофейный автомат возле зала для завтраков украшали обведенные рамочкой автографы Мела Си и Уэйна Гретцки. А Магнус Хэренстам даже нарисовал автопортрет в благодарность персоналу отеля. Когда я вернулся с двумя чашками на удивление сносного напитка, Эва Монссон уже сняла секонд-хендовского вида пальто и перекинула его через подлокотник кресла. Теперь она осталась в простой рубашке с изображением розы. «Стиль кантри или рокабилли», – подумал я, разглядывая ее подвернутые джинсы.

Мы расположились в креслах и еще раз прошлись по всем пунктам. Что, собственно, произошло? Что я делал в Мальмё? (Я отвечал на местном диалекте.) Как обнаружил Санделля и мертвую женщину? Трогал ли я что-нибудь в комнате? Я подтвердил, что ничего не касался. Только фотографировал. Разве что поддержал Санделля за плечо, когда он пытался принять вертикальное положение, но я подумал, что это не в счет.

– Тогда на сегодня все, – улыбнулась Эва. – Я слышала, они там такое готовят... – Она схватилась за голову.

– Где? – не понял я.

– Там, где вы не обедаете.

– Говорят, но тогда я об этом не знал.

– Да, вы думали о другом, – кивнула она.

Я отвернулся к окну. Чего добивается эта женщина? Что хочет из меня вытянуть своими

вопросами?

– Между прочим, я журналист, – сообщил я, чтобы направить разговор в другое русло.

– У каждого свои недостатки, – меланхолично заметила она.

– Точнее, был журналистом, – поправился я. – Но такого упустить не могу, я должен написать об этом и уже составил примерный план.

– У нас свободная страна, – пожалала она плечами. – Каждый волен писать, что ему вздумается.

Она захлопнула блокнот и убрала в карман джинсов. Потом быстро встала и пожалала мне руку. Я побрел за ней к выходу.

У самых дверей она обернулась:

– Вы были один в «Бастарде»?

– Один?

От неожиданности я растерялся.

– Или с кем-нибудь?

– Нет... – Я замялся. – Не один. Я был со знакомой, точнее, встретил знакомую там.

– Ага... – протянула она и посмотрела на меня с подозрением. – Я слышала, вы с кем-то встретились в холле отеля или на улице.

– Да... вероятно, так и было, – пробормотал я, понимая, в каком дурацком положении оказался.

– Я его знаю? – допытывалась Эва. – Это какая-нибудь знаменитость, да? Ведь вы же знакомы с Томми Санделлем?

– Не думаю, – покачал головой я. – Да и насчет Санделля вы сильно преувеличиваете.

– Да, в конце концов, это не мое дело, с кем вы были в «Бастарде», – улыбнулась она и вышла на улицу.

Я проклинал себя, провожая ее глазами. Отчасти потому, что понятия не имел, что отвечать, если она еще раз спросит, с кем я был в «Бастарде». Отчасти потому, что не мог оторвать глаз от ее великолепно сидящих джинсов.

Кроме того, мне не давал покоя предмет, спрятанный в гитарном футляре.

Поскольку была суббота, рассчитывать на экстренный номер газеты не приходилось. Да и Томми Санделль не бог весть какая знаменитость. В конце концов, он даже не умер. Где бы он там ни пел – в «Бинголотто» или «Так звучит!»^[14], – он не тянет на суперзвезду, не те профессиональные достоинства. Тем не менее фраза «известный шведский рок-певец» всегда смотрится в газетных заголовках, даже если Санделль считает себя блюзовым исполнителем или художником.

А ту, кто лежал рядом с ним, не знает и сам Санделль. Я, конечно, упомянул ее, но не более.

В двадцать минут десятого очередной номер выложили в Интернете.

В самом верху – фотографии полицейских машин и оцепления вокруг «Мэстера Юхана». Ночные снимки получаются особенно драматичными. Синие огни расплываются в пронизывающие темноту пятна. Не поймешь, то ли Нью-Йорк, то ли Мальмё.

После полудня еще несколько газет опубликовали свои истории о музыканте и мертвой женщине. Но ни одна из них не стояла и строчки моей. Ведь это я был там с самого начала. Всем остальным, даже ТТ^[15], приходилось довольствоваться интервью с пресс-секретарем полиции, то и дело на разные лады повторявшим: «Без комментариев». Они не упомянули

даже имени Томми Санделля.

Примерно тогда и появился веб-гном с камерой, чтобы взять у меня интервью для газетного сайта. Ночной ливень к тому времени прекратился, над нами сияло голубое небо.

Я по такому случаю принял душ, переоделся, убрал пластырь с переносицы и вынул из ноздрей ватные тампоны.

Однако нос был по-прежнему красным и припухшим, да и пластырь на брови я оставил. Медсестра в маске не велела мне снимать его в течение двух дней.

Гном оказался бывшим пишущим репортером, как и я, потерял веру в будущее печатного слова. Он не умел обращаться с камерой, и нам несколько раз приходилось начинать заново, потому что он забывал нажать ту или иную кнопку.

Тем не менее в четверть третьего я лицезрел себя на экране веб-плеера. В кадре я стоял возле «Мэстера Юхана» и рассказывал о случившемся. Я умолчал, кто именно нашел труп в постели Санделля, эту новость решили приберечь для завтрашней бумажной версии газеты. Материал должен стать гвоздем воскресного номера, более объемного, чем обычно.

Первую эсэмэску я получил от Карла-Эрика Юханссона.

Что с твоим носом? – спрашивал он.

Потом один за другим всплывали репортеры из газет и телеканалов, а я сидел в номере и писал о том, как встретился в «Бастарде» с Томми Санделлем и как потом обнаружил его в постели с мертвой женщиной.

К тому времени, когда Карл-Эрик окончательно проснулся, мы в редколлегии уже решили, что опубликуем материал с именами в воскресном номере. Я говорю «мы» по привычке. На самом деле с журналистикой я завязал, но так легко снова угодить в привычную колею! После недолгих препирательств ко мне приехал человек из редакции с двадцатью пятью тысячами крон за первую статью. За каждую последующую мне обещали от двенадцати до пятнадцати тысяч, в зависимости от того, насколько эксклюзивной и сенсационной она окажется. Я принял их условия, работа с веб-гномом также была включена в соглашение.

Воскресенье – плохой день для газетчиков в Мальмё.

Побродив по городу и убедившись, что киоски, где обычно продают утреннюю прессу, еще не открылись, я отправился на железнодорожный вокзал. Он очень изменился по сравнению с тем, каким я знал его в детстве: теперь большинство поездов останавливались под землей, а газеты продавали в так называемом стеклянном зале.

Разумеется, можно прочитать номер и в Интернете, но я привык доверять лишь тому, что ощущаю физически, например листу бумаги в руках. В этом смысле я старомоден.

Мой материал был гвоздем номера. Совсем как несколько лет тому назад.

Четыре страницы с моим текстом и моими снимками, которые выглядели несколько размытыми в печатном варианте, а также две дополнительные полосы о Томми Санделле и его карьере.

О мертвой женщине упоминалось лишь вскользь, никто ведь не знал, кто она и как оказалась в гостиничном номере.

Ночной портье Марко Видич сообщил, что Томми завалился в «Мэстер Юхан» с большой компанией. Они расположились в гостиной рядом с холлом и заказали пива и вина. Отель не трактир и не пивная, поэтому Марко пришлось повозиться со стеклянным шкафчиком, где хранились спиртные напитки, и он не разглядел, сколько именно гостей

пожаловало с Томми Санделлем и сколько потом отправилось с ним в номер.

– Думаю, человек десять-двенадцать, – предположил Марко. – Я не видел, как Санделль поднимался в номер. Время от времени мне нужно отлучаться в туалет или за чем-нибудь в офис, и в этот момент кто угодно может заскочить в лифт или подняться по лестнице.

Это была сущая правда, сам я не раз проходил к себе в номер в такие моменты.

Марко не видел также, чтобы кто-нибудь из компании Санделля покидал отель.

Я читал газеты на скамейке в зале ожидания, после вернулся в «Мэстер Юхан» и там натолкнулся на Щенка. Собственно, его звали Тим Янссон. Газетное начальство боготворит таких журналистов за то, что их интересуется не столько сама новость или способ ее подачи, сколько количество кликов на веб-странице с их произведением.

Большинство из того, что они пишут, – ложь.

Я пытался указать на это, прежде чем завязал, но начальство не смущали мои разоблачения. Или подсчет кликов занимал так много времени, что его не оставалось ни на что другое.

Его называли Щенок, потому что он был молод. На вид я дал бы ему не больше двенадцати лет. В предвкушении работы он разве что не визжал, как щенок на собачьей игровой площадке. О его приходе меня предупредили заранее. Эта история стоит усилий нашего элитного бойца, – писал в эсэмэске главный редактор.

И вот Щенок появился в «Мэстере Юхане». Его светлые джинсы провисали на заднице, а короткая футболка открывала пупок. Голову он брил и носил огромный «врапараунд» с голубыми стеклами.

– Гав! – пролаял я, завидев его.

Я всегда так делал, он не понимал почему.

– Я охочусь за сенсационным материалом, – доверительно сообщил Щенок.

Собственно, он всегда только этим и занимался.

– Следователь обещал держать меня в курсе, – продолжал Щенок. – Он руководитель операции, прочешет весь город в поисках убийцы.

Я не стал говорить ему, что руководитель операции в данном случае женщина. Поэтому держать его в курсе мог обещать кто угодно, только не следователь. Я мог бы посоветовать ему заглянуть в утренние газеты, коль скоро он желает быть в курсе дела, но особенность молодых журналистов в том, что газет они практически не читают. Если мы сами не интересуемся тем, что пишем, как можем требовать от читателя платить за это деньги?

Сам я в ближайшее время намеревался встретиться с администратором Томми Санделля Кристером Юнсоном.

Прошло, однако, два дня, прежде чем мне удалось с ним поговорить. Это произошло в баре «Бычий глаз» – «Бычке», как его называют в Мальмё. На Юнсоне был тот самый костюм, в котором он выпроваживал Томми Санделля из «Бастарда» в памятную пятницу. Я задумался: чем Кристер красит волосы, если они выглядят такими черными? Это показалось мне странным, ведь он никогда не придавал значения своей внешности. Когда я подошел к «Бычку», Кристер уже сидел на улице за столиком, с сигаретой и большим бокалом чего-то крепкого.

– Может, войдем внутрь? – предложил я. – Здесь холодно, как и всегда в эту пору в Мальмё.

– Только когда докурю, – кивнул он.

Кристер, сколько я его помнил, всегда оставался на периферии шведской музыкальной

жизни. Он начинал в семидесятые годы как бас-гитарист в одной прогг-группе^[16] из Гётеборга. Потом переключился на тяжелый рок и стал носить прическу в стиле Рода Стюарда. В восьмидесятые играл блюз с норландцем, имени которого я не помню. Но прежде всего Кристер Юнсон был известен как антрепренер и организатор гастролей.

В тот раз мы так и просидели весь вечер за уличным столиком. Кристер выкурил почти всю красную пачку «Принца», судя по надписи «Smoking kills»^[17] купленную за границей, и выпил четыре больших виски. Мы прервались только один раз, по просьбе фоторепортера, пожелавшего снять нас вместе.

– Как тебе пришло в голову организовать гастролы Томми Сандерса? – удивился я. – Разве у него так много поклонников?

– Достаточно, как ни странно, – отвечал Кристер. – Особенно в провинции. Здесь не такие снобы. Тот, кто засветился на телевидении, соберет любой паб, я даже не сомневался в этом. А Томми был на телевидении.

– Но ты не хуже меня знаешь, какой он... ненадежный.

– Определенный риск, конечно, есть, – вздохнул Кристер. – Главное – придерживаться нормы по алкоголю: два холодных пива по утрам, перед тем как сесть в машину, два в обед и три-четыре непосредственно перед концертом.

– И что же случилось в пятницу?

Я поднял воротник пальто и сунул руки в карманы, пытаюсь согреться. Я жалел, что не надел шапку, и завидовал шевелюре Юнсона а-ля Род Стюард.

– Он перебрал, напился в стельку. В том самом кабаке возле отеля, где ты его встретил. Обидно! Самое гадкое место нашего турне. «КВ» в Мальмё, по крайней мере, престижней. – Он закурил очередную сигарету, отбросил со лба волосы, необыкновенно пышные для мужчины за сорок, и, понизив голос, добавил: – Кроме того, там хорошо платят.

– И сколько вы получаете? – поинтересовался я.

– Где как. В «КВ» – пятьдесят пять, в других местах – по десять – пятнадцать, все зависит от сборов.

– Но ты ведь что-то берешь себе?

Он кивнул:

– Половину. Мы экономим. Номер снимаем только для Томми. Я ударник, Чурбан играет на бас-гитаре. По правде говоря, Томми обычно останавливается в мотелях, только в Мальмё потребовал более-менее приличный отель. Я храню квитанции; если бронировать по Интернету заранее, обходится совсем недорого.

– А ты и Чурбан?

– Что?

– Где вы живете?

– Спим в машине – так повелось. Чурбан – отличный блюзовый барабанщик, он никогда не наживался на этих турне, и ему плевать, что думают другие. Я ничего не беру за свою игру, Чурбану отстегиваю его процент, конечно.

Чурбана, собственно, звали Рогер Блумгрэн. Он был коренастый и маленького роста, за что и получил свое прозвище, и специализировался на блюзе и рокабилли.

– И где сейчас Чурбан? – спросил я.

– Не знаю, – пожал плечами Кристер. – Мы закончили дела с полицией и теперь едем домой в Хагфорс. Потом он, вероятно, возьмет билет на поезд до Стокгольма. Так всегда было.

– Что же все-таки случилось в пятницу? – допытывался я. – Ты знаешь девушку, что была в постели с Санделлем?

– Нет, я не видел ее. Я приехал забрать Санделля на концерт и понял, что играть он не может. Он уронил губную гармошку, а потом взял гитару задом наперед и вылил в себя полбутылки вина.

– Но где он мог ее встретить?

– Понятия не имею. – Кристер пожал плечами. – Позволь мне взять еще пива, тогда я продолжу.

– Нет, сегодня плачу я.

Приятно оказаться в теплом помещении, пусть даже на то короткое время, какое понадобилось бармену, чтобы нацедить бокал.

Кристер Юнсон снова закурил, сделал три хороших глотка и только потом продолжил:

– Ты ведь знаешь, каков он. Падок на женщин. «Прекрасных дам», – передразнил Кристер, подражая манере Санделля выражаться высоким слогом.

– Но женщины сами к нему липнут.

– Санделль много говорил о мадам, с которой ты был в пятницу. О том, что она слишком хороша для тебя и он просто обязан заняться ею.

– Вот как! – Мне стало не по себе оттого, что Ульрика Пальмгрен фигурировала в этой истории.

– Могу я открыть тебе секрет? – спросил Кристер тоном, не предполагающим возражений. – Все это пустое.

– Что пустое? – не понял я.

– Он ни на что не способен. Он не боец на этом фронте.

– Не боец на этом фронте? – переспросил я.

– Именно. И за это я, пожалуй, больше всего зол на Санделля. Я много с кем ездил – и с ворами, и с убийцами, с гомосексуалистами и педофилами, – но никто не вел себя так, как Санделль. Мы с Чурбаном делаем все: устанавливаем, погружаем и разгружаем, а он сидит с бутылкой вина и двумя-тремя «прекрасными дамами» в примерной и рассуждает о блюзе, и о поэзии, и о том, какие у них красивые руки, и что он мог бы нарисовать их обнаженными после концерта, у них ведь такие тела. И они, конечно, соглашаются, раздеваются и позволяют писать с них картины, если он того хочет.

– Не взять ли нам чего-нибудь поесть? – перебил я Юнсона. – Здесь готовят превосходную свинину под луковым соусом, если мне не изменяет память.

– Спасибо, с меня достаточно пива, – ответил Кристер. – Оно насыщает. – Некоторое время он молча смотрел на бокал. – И все-таки я их не понимаю.

– Кого? – удивился я.

– Баб, девок. Я знаю, как оно бывает: когда гастролируешь со звездами семидесятых – в зале одни старые перечницы. Приходят, чтобы вспомнить молодость, и даже считают своим долгом одеться как тогда... Позор человечества. Но с Санделлем все иначе. – Он последний раз глотнул из бокала.

– Что именно? – недоумевал я.

– К нему ходят молодые... Я помогал ему...

– В чем? – снова не понял я.

– Покупал специальные таблетки в Интернете. Он ведь ничего не смыслит в такой штуке, как Интернет. Виагра бесполезна, когда он пьян. Собственно, другие таблетки тоже не

действуют. А сходить к врачу ему не позволяет гордость... Тем не менее они приходят к нему за кулисы и сидят у него в гримерной... Я ничего не понимаю.

– Тем не менее...

– Что?

– Он ни на что не способен, говоришь?

– Именно.

– Значит, ты не видел его с той девушкой или с какой-нибудь другой в пятницу? – повторил я.

– Только с той, что была с ним в «Бастарде». Но она напилась и вроде бы поехала домой. Он часто сходится с алкоголичками. Но я понятия не имею, кто она, никогда не видел ее раньше. Кто-то заказал такси для Томми, и в отель он вернулся с компанией, но я не знаю, кто они. Мы с Чурбаном погрузили аппаратуру, отправились в новый район возле гавани, где и заночевали в автомобиле. Мне уже не раз приходилось там спать.

– Звучит уютно.

– В старых «меркабусах» удобные откидные сиденья, – кивнул Кристер и, как всегда без тени иронии, продолжил: – В общем, я не знаю, что она делала с ним в постели.

– Она лежала в одежде.

– Значит, он не пытался даже рисовать ее, иначе была бы голой.

– Он чем-то похож на Билли Уаймана, – заметил я.

– Из «Стоунзов»?

– Говорили, через его постель прошли десятки тысяч женщин, но, если верить мемуарам Кейт Ричардс, Уайман приглашал девушек в номер только для того, чтобы угостить чаем. А потом записывал в блокнот их имена.

– К чему ты клонишь?

– О знаменитостях всегда распускают сплетни. О таких, как Мэджик Джонсон, например, или Уилт Чемберлен. О нем ходит особенно много баек, как я слышал.

– Не знаю, – задумчиво покачал головой Кристер. – Никогда этим не интересовался.

– Возьмешь еще пива? – спросил я.

– Нет, я за рулем, кстати сказать... – Он поднялся.

– На связи, – напутствовал я его.

– Конечно.

Кристер Юнсон закурил новую сигарету и направился к пешеходной улице, откуда повернул направо, чтобы взять автомобиль. Я же зашел во внутренний зал «Бычка» и заказал порцию мяса под луковым соусом и большой бокал крепкого пива.

Со времен моей молодости это место почти не изменилось. Разве что мебель выглядела не такой новой.

Мальмё, октябрь

Меня разбудил звонок мобильного. Точнее, гудок – мой телефон имитирует звук старого автомобильного рожка. Можно выбрать какой угодно сигнал: собачий лай, автомобильный рожок или стук мяча – это одна из последних технических новинок.

Во рту ощущался неприятный привкус, а язык словно покрыли бетоном. Похоже, вчера в «Бычке» я перебрал пива. Номер на дисплее не идентифицировался.

– Кто такой этот Тим Янссон? – заверещал голос в трубке, прежде чем я успел прохрипеть «алло».

– Он... Я...

– Что за тип напорол в вашей газете столько чуши?

Только сейчас я узнал инспектора криминальной полиции Эву Монссон.

– Я... еще не читал.

– Он утверждает, что разговаривал с руководителем расследования, но я его в глаза не видела! Откуда он все это взял? Выдумал? В его статье нет ни слова правды, – добавила она уже спокойнее.

– Но... я не несу ответственности...

– Конечно, просто мне срочно надо было кого-нибудь облаять, а номера Янссона у меня нет.

– Облаять? – рассмеялся я. – Это в самую точку.

– В точку?

– У нас его называют Щенок.

– Очень остроумно.

– Неугомонный такой Щенок, – оживился я.

Эва Монссон отключилась, и я попытался сообразить: сколько все-таки выпил за вчерашний вечер? В раздумьях пролежал еще некоторое время.

У меня всегда были хорошие отношения с администрацией этого отеля. Поэтому после того, как я обнаружил труп в постели Томми Санделля, мне предложили другой номер, похожий на обыкновенную городскую квартиру, в особой части отеля. Гостиная, правда, оказалась немногим больше гардероба, куда я обычно вешал одежду, зато из окна открывался вид на крыши Мальмё.

Хотя крыши меня никогда не интересовали. Тем более в Мальмё.

Эва Монссон разбудила меня рано, времени до завтрака оставалось достаточно. Я решил прогуляться, а заодно и купить вчерашнюю вечернюю газету. На улице дул холодный ветер, но солнце сияло, и небо было на редкость голубым для этого времени года.

Щенок уже сидел за столиком уличного кафе «Дональд & Гоббс». Я расположился как можно дальше от него, но это не помешало юному дарованию закричать на всю улицу, махая над головой газетой:

– Эй, я опять гвоздь номера!

– И ни слова правды, – меланхолично заметил я.

– О чем ты? – не понял он.

– Это шутка, Щенок.

Он обиженно наморщил нос и углубился в чтение своего шедевра.

Ничего удивительного – так делают все журналисты. Почти. Далеко не все они умеют писать, не говоря о том, что некоторые совсем ничего не читают.

Так можно ли требовать от Щенка большего?

И пока я сидел с тем, что раньше звалось «Интернешнл геральд трибьюн», а теперь именовалось «Интернешнл Нью-Йорк таймс», Щенок в своем углу изо всех сил сучил лапами и вилял хвостом. Я никогда не интересовался бейсболом, тем не менее развернул последнюю страницу и демонстративно углубился в изучение таблицы с результатами матчей. Оскорбленный до глубины души, Щенок вскочил со стула и исчез из моего поля зрения. Я подошел к стойке.

Выпив достаточное количество кофе, я вернулся в номер, перечитал статью о беседе с Кристером Юнсоном и отправил ее на электронный адрес редакции. Сейчас я зарабатывал больше, чем когда был штатным журналистом. И считал себя почти богачом.

Поскольку Эва Монссон так и не высказалась по поводу моей писанины, я решил, что ей нечего возразить. Мне пришло в голову пригласить ее на обед, и я тут же набрал номер.

– Как вы относитесь к Японии? – спросила она.

– Э-э... – замялся я, – тесновато на улицах, трудный язык, и вообще это очень далеко.

– Но вам нравится японское?

– Кухня, вы имеете в виду? – уточнил я, догадываясь, к чему она клонит.

– Да.

– Ничего не имею против.

– Тогда «Кои», – предложила она. – Это на площади рядом с отелем. В половине второго вас устроит?

– Вполне.

Я решил выспаться перед встречей с Эвой Монссон и уже выключал ноутбук, когда обнаружил новое письмо.

Оно пришло с адреса на «хотмейле», и в поле отправителя вместо имени красовался бессмысленный набор букв: zvxfr. Бессмысленный для меня, по крайней мере.

Я открыл письмо.

Оно состояло всего из одного вопроса:

Почему ты не написал о порке?

Я редко впадаю в панику. Всегда считал, что это последнее дело. Паника казалась мне чем-то вроде мороза: стоит притвориться, что ее нет, и она действительно исчезает. Тем не менее этих нескольких слов оказалось достаточно, чтобы у меня подскочило давление и в затылке запульсировала кровь.

Говорят, в известных ситуациях вся жизнь проносится перед глазами человека за одно мгновение. Когда-то в гололедицу машина, в которой я сидел, врезалась в телеграфный столб. Не могу сказать, сколько лет жизни уместилось в ту секунду. В конце концов, на тот момент их было не больше двадцати. Сейчас же воображение воскрешало лишь разрозненные фрагменты моего прошлого, причем именно те, о которых я предпочитал умалчивать.

Собственно, о чем я должен писать и зачем? И кто требует от меня этого?

Ульрика Пальмгрен? Но ей нет необходимости прибегать к электронной почте. Она живет в нескольких кварталах отсюда и в любую минуту может заявиться в отель лично и отвесить мне очередную оплеуху. Да и вообще, так ли ей нужно, чтобы я написал о нашей неуклюжей инсценировке, – S & M^[18] или даже покруче?

В это верилось с трудом. Так что ответить загадочному адресату?

Я соблюдал осторожность. Темными делишками занимался в основном за границей, а если приспичивало в Швеции, то выбирал стопроцентно надежных партнеров. Не скажу, что всегда держал язык за зубами, но распускал его только в компании самых близких. Сейчас модно обсуждать особенности своего тела, и не только публично, но я никогда этим не занимался, не имел такой потребности.

И сейчас я должен об этом писать? Зачем? Кому?

Я внимательно взгляделся в буквы на экране.

Собственно, не во что вглядываться.

Все слова написаны правильно.

Прописная «П» в слове «Почему», в конце знак вопроса.

Грамотное, взвешенное послание.

Но почему письмо пришло только сейчас?

Связано ли оно с Томми Санделлем и мертвой женщиной, и если да, то как?

Письмо было написано за три минуты до того, как я его прочитал, и я не сомневался, что автор до сих пор не вышел из Сети.

Не исключено, что сейчас он в каком-нибудь интернет-кафе, выяснять, где именно, бесполезно. Для этого я должен постоянно торчать у ноутбука и отвечать на его письма в тот же момент, когда он мне их отсылает. Или периодически следовать рекомендации любой службы поддержки при возникновении проблем с компьютером: включать и выключать.

Что ж, иногда это работает.

Я выключил ноутбук. Это походило на ритуал, но кто из нас не суеверный?

Подождал минуту. Никто никогда не говорил, что это следует делать, но, как мне показалось, машине требовался отдых.

Потом снова включил ноутбук, зашел в почту и перечитал сообщение от zvxfr. На этот раз его тон показался мне раздраженным:

Почему ты не написал о порке?

Времени на сон больше не оставалось. Я взглянул в окно на крыши Мальмё и пошел в «Кои» на встречу с инспектором криминальной полиции Эвой Монссон.

Я не успел распланировать предстоящее интервью, просто журналистский опыт подсказывал: надо побыстрее опросить как можно большее количество людей. Это приносило плоды сразу или через несколько лет, а бывало, что ничего не давало вовсе. Но никогда не вредило.

Я узнал ее издали по серому пальто. Правда, вместо джинсов Эва Монссон надела юбку до колен с полосками, какие были на брюках Кейт Ричардс в семидесятые годы, а вместо кроссовок – стильные ковбойские ботинки с загнутыми носками.

– «Техас»? – Я кивнул на ее ботинки.

– «Блокет», – ответила Эва, окончательно убедив меня в том, что в «Блокете» можно купить все.

Она заказала большую порцию суши и ела палочками, иногда помогая себе пальцами. Это меня умилило. Один раз я уже угощал женщину суши, но она попросила принести ей нож и вилку, чем очень меня разочаровала.

– Что это будет? – спросила Эва Монссон. – «Информация не для протокола»?

– Пока не знаю, – ответил я. – Одно могу пообещать: я не стану публиковать ничего без вашего ведома.

- Мне нет дела до прессы.
- Тем не менее это напрямую касается вас.
- Разумеется.
- Так вот, – начал я, – не думаю, что это сделал он.
- Санделль? – переспросила Эва.

– Во-первых, – кивнул я, – это совсем не в его стиле. А во-вторых, он был настолько пьян, что не понимал, где находится. Из ресторана его увели почти в бессознательном состоянии, – продолжал я. – А на то, чтобы провести женщину к себе в номер, убить ее и положить в постель, все-таки нужны силы.

– И что же, по-вашему, случилось? – Она пристально взглянула мне в глаза.

– Не знаю, но я разговаривал с Кристером Юнсоном...

– Организатором гастролей? – нетерпеливо перебила Эва.

– ... я говорил с ним, и он сказал, что Томми Санделль в принципе не способен на секс.

– Мы тоже беседовали с Юнсоном, но нам он ничего такого не сообщал, – заметила она удивленно.

– Тогда я вам сообщаю! – воскликнул я. – Вот видите, и от меня бывает польза.

– Вам нравится музыка Санделля? – поинтересовалась она.

– Нет, но в этом я ему никогда не признаюсь.

– А той, что была с вами в «Бастарде» в пятницу?

Я уже заметил ее манеру болтать о чем угодно, а потом огорошить собеседника неожиданным вопросом. Я ведь даже не говорил Эве, с мужчиной или женщиной был в «Бастарде».

– Вы встретились с ней, чтобы сходить на выступление Санделля в «КВ»?

– Нет.

– Я слышала, она хорошо выглядела. Будто собралась на концерт.

Тут я почувствовал, что наступил момент, который я больше всего не люблю в криминальных фильмах: когда герой внезапно пугается, оцетинивается, как кошка перед собакой, и говорит: «А в чем, собственно, дело? Вы меня подозреваете?»

Впрочем, я оставался спокойным, когда, презирая самого себя, все же произнес:

– Не понимаю, почему вас это так интересует. Вы меня в чем-то подозреваете?

– Но вы были там, – рассудила Эва. – Были в той комнате.

– Да, но до этого я заходил в травмпункт, и, полагаю, там подтвердят.

Зачем я ей все это рассказывал? Разве мне требовалось алиби?

– Может, подтвердят, а может, и нет... – Эва загадочно улыбнулась.

Она была великолепна.

– Мы виделись на конференции в Стокгольме и решили встретиться в Мальмё, как только я там окажусь, – объяснил я.

– То есть вы приехали специально, чтобы с ней встретиться?

– Нет... отчасти... Послушайте, – разозлился я, – я свободный человек. Я люблю водить машину и могу, если захочу, исколесить полстраны, вам понятно?

Но Эву, похоже, несколько не смутил мой выпад.

– Позвольте теперь мне угостить вас кофе, – сказала она, выдержав паузу. – Здесь есть одно местечко в другом конце квартала, на Энгельбректсгатан.

Заведение называлось «Нуар», и вскоре мы уже сидели за высоким столом в зале с одним-единственным окном.

– Так что там с Санделлем? – поинтересовался я.

– Двенадцать баллов, если измерять похмелье по шкале Рихтера, – ответила Эва. – На одну ночь мы положили его в больницу, но там его оставлять было нельзя, даже если он выглядел так, будто весь день слизывал мочу с листьев крапивы.

– И где он сейчас?

– Собственно, должен сидеть под арестом в этом городе, но, поскольку мест в Мальмё давно нет, отправлен в другой.

– И куда же?

– В Истад.

Мы попрощались, Эва сделала пару шагов к двери и вдруг обернулась:

– Вы вообще играете на гитаре?

– Нет, с какой стати? – растерялся я. – А почему вы спрашиваете?

– Мне пришло в голову, что именно это сблизило вас с Санделлем.

– Но мы почти не знаем друг друга, – возразил я.

– Странно... – На мгновение она задумалась. – Я просматривала материалы пятничных допросов, кое-кто утверждает, что вы имели при себе гитарный футляр.

– Мало ли что болтают люди, – натянуто улыбнулся я.

– Это неправда?

– Что именно? – серьезно спросил я, больше для того, чтобы выиграть время.

– Что вы таскали за собой эту штуку.

– Футляр?

– Да.

– Почему же... – замялся я.

– И при этом вы не играете на гитаре?

– Разве человеку запрещено иметь гитару, если он не играет на ней? – разозлился я. – Я люблю гитары. Чего вы от меня добиваетесь, в конце концов?

– Правды, – ответила она. – И ничего, кроме правды. Как говорят в американских судах, во всяком случае в фильмах.

И я снова принялся убеждать себя в том, что человек не подвержен панике до тех пор, пока ее игнорирует. И впервые засомневался в этом.

К себе в номер я вернулся совершенно потерянным. Включил ноутбук, заглянул в почту и увидел, что новых писем не поступало. Однако и то, что так расстроило меня утром, было на месте.

Почему ты не написал о порке?

Мне нечего было на это ответить.

Копенгаген, декабрь

Прошло больше месяца после убийства, за это время я еще не раз съездил из Стокгольма в Мальмё и обратно. Расследование продвинулось не слишком далеко. Убитую звали Юстина Каспршик, и она была уроженкой Польши – вот все, что удалось выяснить. Теперь я спрашивал себя: так ли трудно поляку произнести «Харри Свенссон», как мне «Юстина Каспршик»?

На установление личности жертвы ушло необыкновенно много времени.

Ее никто не хватился.

У нее ничего при себе не было: ни сумочки с водительскими правами или идентификационной картой, ни мобильного телефона, ни украшений.

Ее фотографии опубликовали все газеты, но не нашлось ни одного человека, способного объяснить, кто она и откуда, и даже сам Томми Санделль понятия не имел, с кем оказался в постели в ту ночь. Он все еще находился под стражей, но в ближайшее время его должны были отпустить за недостаточностью улик, если точнее – за полным их отсутствием.

Впрочем, криминалисты с самого начала заподозрили, что жертва происходит из восточноевропейской страны – на это указывали пломбы в ее зубах.

Лишь через пять недель пришло сообщение из полиции польского города Быдгоща, где женщину опознали по отпечаткам пальцев. Некогда Юстина Каспршик была задержана в тамошнем городском отеле по подозрению в совершении преступления против нравственности. В ту пору ей едва сравнялось девятнадцать.

В ее городе родился трековый мотогонщик Томаш Голлоб – это все, что я знал о Быдгоще.

И вот в двадцать шесть лет Юстина Каспршик умерла, так далеко от родины, в гостиничном номере, рядом с незнакомым мужчиной. И никому нет до нее дела.

После усердных поисков я вышел наконец на человека, неохотно признавшегося, что он ее брат. Мы обменялись несколькими фразами по телефону, мужчина не пожелал даже со мной встретиться. Что касается ее родителей, они ни слова не понимали по-английски.

– Мы честные люди, – сказал брат. – И давно забыли ту, о ком вы говорите.

Юстина жила в Копенгагене. На своей странице в Интернете представлялась как «эскорт-девушка».

Я люблю портовые города. В них всегда чувствую себя как дома. Нынешний Копенгаген мало походит на классический портовый город, однако в ходе расследования смерти Юстины мне не раз пришлось туда съездить.

В детстве Копенгаген казался мне большим и шумным. Он пах кофе, пряностями и вообще – едой. Он жил в своем ритме, дышал воздухом дальних стран и опасных приключений. Сегодня продуктовые лавки и пропахшие корицей кондитерские принадлежат жилищным кооперативам, а галереи, концертные залы, да и сам Нюхавн, превратились в ловушки для туристов. Еще совсем недавно Нюхавн слыл значным местом, где толпились моряки и сутенеры, пьяницы и покрытые татуировками уголовники всех мастей. А из распахнутых окон и приоткрытых дверей призывно смотрели женщины. Я был слишком мал, чтобы понять, чего они хотели.

Теперь Копенгаген не тот, что раньше.

Одно время он был прибежищем хиппи и иностранных джазовых музыкантов. У последних не хватало денег, чтобы давать концерты в Америке. В Копенгагене же они находили и женщин, и травку, и благодарную публику.

Но сегодня, расцвеченный рекламами международных брендов – «Гуччи», «Гап», «Севен-илевен», «Томми Хилфингер», «Ральф Лоран», – некогда вольный город утратил свой неповторимый облик. Трудно смириться с этим. А ведь одно время датчане подтрунивали над потугами стокгольмцев превратить шведскую столицу в мировой мегаполис. Но чего стоят эти жалкие попытки в сравнении с копенгагенскими скотобойнями или кабаками, перестроенными в стиле нью-йоркского Митпэкинг-Дистрикта и отмеченными в Красном путеводителе бульшим количеством звездочек, чем наркопритоны в Христиании.

И почти невозможно поверить в то, что и в этом свободолобивом, своенравном городе процветают ксенофобия и даже расизм.

Теперь я достаточно повзрослел, дабы понять, чем занимались женщины, выглядывавшие из окон и дверных проемов в Нюхавне. Их больше не увидишь на узких улочках. Большинство такого рода «сделок» заключается через Интернет.

Поскольку заняться мне было особенно нечем, я проводил время в барах отелей люкс или среди вооруженных шприцами наркоманов в печально известном Истедгаде.

Но и среди них не нашел никого, кто бы знал двадцатилетнюю «эскорт-девушку» из Польши.

Собственно, полек среди проституток осталось не так много. Их сменили женщины из Литвы, России и Молдовы, а в последнее время торговцы человеческим телом напали на еще более выгодный товар – из Африки.

Наконец однажды вечером в переулке меня остановил широкоплечий чернокожий мужчина гигантского роста и с кулаками, походившими на шары для боулинга. Он прижал меня к размалеванной граффити стене и взял за горло:

– Или покупай, или исчезни. И прекрати преследовать моих девочек.

Он был на голову выше меня, и я, несмотря на свои метр девяносто, почувствовал себя жалким заморышем. Но лишь только гигант ослабил хватку, я ткнул ему в лицо фотографию Юстины. И пока внутри огромного лысого черепа шла напряженная работа, я задумался над тем, чем занимаются владельцы многочисленных DVD- и видеобутиков в Истедгаде.

Кому ныне нужны эти видео и DVD? Все есть в Интернете, все скачивается.

Порно в первую очередь. Последний раз я заходил в порнобутик десять лет назад, а на известного рода сайты заглядываю минимум раз в неделю. Чтобы ничего не пропустить.

– Она была особенная, – кивнул на снимок гигант. – Но я никогда не работал с ней. Белые девочки много о себе думают – просто беда с ними. Ты с ней знаком?

– Ее больше нет, – сообщил я.

Он пожал плечами:

– Такое может случиться с кем угодно, с тобой или со мной. Но я знаю, кто работал с ней. Ее зовут Лоне, и она обедает в «Дане Тюрелле».

Он отпустил меня и удалился, похожий на огромную прямоугольную дверь.

Он запросто мог меня задушить, если бы захотел.

Итак, я отправился в кафе, названное в честь датского классика криминального жанра – Дана Тюрелля. Оно располагалось на Большой Регнегаде. Этот район приобрел популярность, когда старые дома скупил рекламные агентства, а в местных бутиках

появилась одежда от известных датских дизайнеров.

Просторный, светлый зал кафе напоминал о французских бистро. Прошло три дня, соответственно три обеда, прежде чем бармен с окладистой светлой бородой указал мне на женщину по имени Лоне.

У нее были коротко стриженные, почти белые волосы. Перед ней на столике лежали ноутбук и огромный ежедневник. В строгом черном костюме и светлой блузке, она больше походила на бизнес-леди, чем на проститутку. Разве что юбка коротковата, но ведь и это зависит от рода бизнеса.

Лоне ела салат с копченым лососем, который запивала белым вином. Она казалась подавленной. Взглянув на фото, пожала плечами и заговорила лишь после того, как я сообщил ей о смерти Юстины.

– Ты коп? – спросила она.

– Нет, – успокоил я. – Жаль, что здесь никто не может о ней рассказать.

– Она работала в одиночку. – Лоне как ни в чем не бывало ковыряла вилкой салат.

– Она умерла в Мальмё. Не знаешь, был у нее там кто-нибудь?

– Нет, мы почти не общались. Она, как я слышала, обслуживала особых клиентов. Кто-то говорил, что она катается в Мальмё как минимум раз в месяц. К одному типу, который ей хорошо платил. Она мечтала разбогатеть и уехать в Америку.

Но Юстина Каспршик не разбогатела и никуда не уехала. Она умерла в отеле в Мальмё, и скоро ее прах будет погребен в мемориальной роще.

Вечер в Копенгагене выдался на редкость ветреным и холодным. Когда я уезжал на Центральный вокзал, всюду хлестал дождь.

Поезд до Мальмё идет под землей – в такое трудно было поверить в годы моего детства.

Я не знал, что думает обо мне инспектор Эва Монссон и почему соглашается на встречи, но она оставалась моим единственным источником информации, единственной путеводной ниточкой во всей истории. Кроме того, иногда мне нравилось просто болтать с ней – о музыке, кино или телесериалах.

Ей, как она призналась, было тридцать восемь лет. Про себя я добавил, что она одинока, хотя инспектор об этом не упоминала.

Однажды мы ужинали в «Кин-Лонге». В тот вечер Чьен предлагал гостям особое меню, с каракатицами, креветками и рыбой. Он был худой и выглядел не старше двадцати пяти. Чьен довольно бегло говорил на сконском диалекте, разве забавная интонация выдавала в нем иностранца. Но главное – у него подавали настоящую китайскую еду, в отличие от других подобных заведений Мальмё.

– И зачем это кому-то понадобилось укладывать мертвую женщину в постель с наклюкавшейся звездой шведского рока, пусть даже далеко не первой величины? Думаю, вы тоже задавались этим вопросом? – обратился я к Эве.

– Разумеется.

– И?..

– А сами-то вы что об этом думаете?

Эва Монссон любила отвечать вопросом на вопрос. Еще одна ее манера вести беседу, помимо привычки неожиданно направлять разговор в другое русло.

– Полагаю, это могло получиться совершенно непреднамеренно, – рассудил я. – Жертва была проституткой, а они иногда имеют дело с извращенцами. Так далеко ли до трагической

развязки?

– Правдоподобный сценарий, – задумчиво кивнула Эва. – А этот извращенец не мог быть рок-певцом?

– Не исключено, – согласился я. – Как Майкл Хатчинс из INXS. Хотя он, насколько я знаю, решал свои проблемы в одиночку. Онанировал в гостиничном номере, а потом повесился. Что же касается нашего убийцы, думаю, он метил именно в Томми Санделля. Не в смысле подставить его и засадить за решетку, а просто наказать. Мне кажется, этот человек очень расстроился оттого, что именно я обнаружил в комнате труп Юстины. Он сделал все, чтобы первым ее увидел Томми.

– Но почему? – удивилась Эва.

Честно говоря, эту версию я и сам не успел продумать как следует. Даже странно, что так поспешно ее озвучил.

– Может, потому, что Томми играл такой паршивый блюз, – пошутил я. – Мне приходилось сталкиваться с любителями блюза по работе. Умом они не отличаются, зато фанатично преданы жанру. Среди них попадаются настоящие экстремисты. Бен Ладен младенец по сравнению с ними.

Эва Монссон рассмеялась.

– Где сейчас Санделль? – спросил я. – Можно поговорить с ним?

– Нет, к нему не пускают никого, кроме адвоката. И газет ему не дают, по крайней мере тех, где пишут о его деле. Все мы ждем неизвестно чего, в результате до сих пор ничего не нашли и ничего не знаем. Но Санделля нельзя держать за решеткой до второго пришествия, и скоро его, так или иначе, придется отпустить. И все-таки почему вы думаете, что убийца метил в Санделля?

– Не знаю, это всего лишь предположение.

– А вы давно с ней встречаетесь?

Я опешил:

– С кем?

– С той, из «Бастарда». Вы ведь приехали в Мальмё ради нее – так всегда начинается. А теперь наезжаете сюда постоянно...

Я хотел сказать, что это не ее дело, но сдержался, боясь навлечь на себя еще большее подозрение. Впрочем, теперь мне было все равно, что говорить.

– Мы не встречаемся, – возразил я Эве. – А почему это вас так волнует?

– Вовсе нет, – улыбнулась она. – Я просто пытаюсь составить целостную картину. Проехать шестьдесят миль ради женщины, с которой даже не собираетесь встречаться. Не слишком логично, вам не кажется?

– Мне кажется, это не лучшая тема для разговора.

– Разумеется, вы ведь весь вечер просидели в травмпункте.

– Вы туда звонили?

– Да, я чертовски въедлива. И у вас был при себе гитарный футляр.

Последнее замечание я оставил без комментариев и попросил счет.

– Жаль, что здесь не подают печенье с предсказаниями, – заметила Эва, пока я возился с банковской картой. – Говорят, в Америке так принято.

– Говорят? Вы ни разу там не были?

– Не пришлось, – вздохнула она.

– Кто из шведов не был в Нью-Йорке! – поразился я.

Она печально покачала головой:

– Кроме того, я боюсь разочарований.

– В чем?

– Не знаю.

– Вы верите в эти глупости? Это же все равно что читать гороскопы.

Она пожала плечами.

– Когда я работал в газете, сам их писал, – продолжал я.

– Шутите?

– А как, вы думаете, это делается? Приходит астролог и смотрит на небо в бинокль?

– Ну... не знаю... должно же быть у человека специальное образование...

Я махнул рукой:

– Одна дама вздумала как-то на меня пожаловаться, утверждала, что ни одно мое предсказание не сбылось. Тогда наш джаз-обозреватель ей ответил: «А вы видели, какое сегодня небо? Там же пасмурно, ни одной звезды». И она купилась. Собственно, меня не удивило, что мой гороскоп ей не подошел. Я ведь писал их для моих родных, друзей, для любимой девушки. Не для нее.

– В жизни не слышала ничего ужаснее, – фыркнула Эва.

– Вы издеваетесь надо мной? – Я никак не мог поверить ее признанию. – Вы, инспектор криминальной полиции, верите в гороскопы?

Она снова пожала плечами.

Когда мы вышли из «Кин-Лонга», я подумал, что до сих пор не знаю, где она живет. Хотел спросить, но Эва меня опередила:

– В травмпункте говорили, что вы должны были играть в тот вечер, но концерт пришлось отменить.

– Уже не помню, чего им наплел.

– Так утверждала медсестра.

– Значит, так оно и есть.

Некоторое время мы шли молча.

– Не думаю, что он не понимал, что происходит, – вдруг заметила Эва.

– Кто?

– Санделль.

– Гм... И?..

– Но говорил странные вещи.

– Какие, например?

– Странные.

Тут я вздохнул, отметив про себя странный характер нашей беседы.

Был типичный для Мальмё в это время года холодный, сырой вечер. Я посмотрел в небо и остановился, не в силах оторвать взгляд от полной белой луны. Все так. За своими монологами – о том, какая чушь гороскопы и звезды, – я упустил из виду, что сам очень подвержен влиянию этого ночного светила. Я боюсь полной луны. Она производит на меня такое же гнетущее впечатление, как высота или стильно одетые мужчины. Вот откуда мое беспокойство. И я осознал это только сейчас, взглянув на вечернее небо. А если бы его затянуло облаками, возможно, так и не понял бы. Но вечер, когда Эва Монссон, простившись со мной, исчезла в направлении Южной Фёрштадгатан, выдался на удивление звездным, и луна стояла настолько ясная, что дома и деревья отбрасывали тени.

Мне стало не по себе.

Будто некая сила прижала меня к земле, не давая взлететь. И я понял, что мне никуда не деться ни от самого себя, ни от этих мыслей.

Я вдруг почувствовал невыносимое отвращение к самому себе.

Я всегда полагал, что из меня не так-то просто сделать преступника – слишком велика сила, удерживающая меня от последней черты. Но в такие лунные ночи я боялся самого себя.

Иногда человеку требуется эмоциональная компенсация. В такие дни секс бывает особенно бурным. Как у животных. Ты словно бы становишься совсем другим существом, а когда просыпаешься, думаешь, что был в отключке, а ведь все наоборот: ты был активен и полон жизни, как никогда.

Но в тот вечер в Мальмё у меня не осталось иного способа заглушить тоску, кроме как напиться.

Я направился в «Бычок», где когда-то сидел с Кристером Юнсоном, только на этот раз зашел во внутренний зал.

Я пил в кафе «Лезвие бритвы» и баре «Савой», быть может, даже в пабе отеля «Рука епископа». Помню, я взял большой бокал пива и кальвадос сверх необходимого.

При этом я почти все время молчал, потому что не знал, что говорить. Вместо этого сидел за самый дальний стол и пытался сосредоточиться на своих мыслях.

Не помню, как я добрался до «Мэстера Юхана» и своих апартаментов. Очнулся не в постели, а на полу. Меня разбудил собачий лай, судя по всему это была овчарка. Неужели кто-то держал собаку в отеле? Одновременно услышал звук, исходящий от мобильного. Или это он научился лаять? Воистину нет пределов техническому прогрессу.

Я нажал кнопку автоответчика и услышал голос Эвы Монссон: «Сегодня его отпускают. На улице настоящая зима. Так что Санделль встретит Рождество на свободе и со снегом».

Я поднялся и подошел к окну. Крыши Мальмё действительно покрывал тонкий слой снега.

Мой ежедневник валялся на полу.

Я открыл его на дате, когда обнаружил мертвую Юстину Каспршик в постели Томми Санделля, вывел на полях слово «да», обвел его в кружок и подрисовал стрелочку – знак полнолуния.

Мальмё, декабрь

Ничего нельзя найти в этом Мальмё.

Я заблудился в собственных карманах, как будто надел брюки с трупа. С похмелья передвигался как потерявшийся в океане кит, а за окном летели белые хлопья, каждый размером с хорошую пиццу.

И все-таки мне удалось выехать в Истад. Мы с фотографом рассчитывали остановиться у полицейского участка и схватить Томми Санделля, прежде чем он успеет что-либо сообразить и, главное, прежде чем свяжется с корреспондентами других газет или телеканалов.

Если в центре Мальмё я еще худо-бедно ориентируюсь, то новая система внешней кольцевой дороги остается для меня слишком запутанной. Впрочем, не такая уж она и новая. Десять лет этой петле есть точно, а то и больше. Но Стефан Перссон, молодой человек со щетиной на подбородке и серьгой в правом ухе, – фотограф, а они сориентируются где угодно. Такое впечатление, что в их мозг встроена система GPS и поэтому они так же легко водят машину, как и управляют с камерой. Я купил себе GPS, но до сих пор с ним не разобрался.

Мы выехали от площади Далаплан по шоссе Истадвеген, и я не ожидал увидеть в пути ничего особенного. Но не тут-то было. Мы словно очутились в другом мире. Давние события трудно воспринимать объективно – память окрашивает их в иные тона, – но то, что мы увидели на Истадвеген, больше напоминало старую Восточную Германию. Возможно, это звучит не слишком удручающе, но мимо нас проносились ветхие кирпичные постройки, фабрики и фермы, каких, я думал, давно уже не существует, и, как выяснилось, ошибался. Мы проезжали, вернее – тряслись, потому что пространство под колесами имело мало общего с современной европейской трассой, через многочисленные поселки, похожие на вымершие города за высокими противозвуковыми заборами.

Должно быть, я крепко спал и проснулся, лишь когда Стефан Перссон толкнул меня в бок и сунул в руки чашку с дымящимся кофе. Мы припарковались возле тюрьмы. Умение раздобыть в таком месте кофе, должно быть, исключительный талант газетных фотографов.

В Истаде тоже шел снег. Хотя то, что лежало на земле, больше походило на отвратительную грязную кашу – проклятие Южного Сконе.

Томми Санделль вышел через час. Он ничуть не удивился, увидев нас со Стефаном. Меня же, в свою очередь, изумил его свежий цвет лица. Похоже, тюремное заключение благотворно сказалось на его физическом и душевном состоянии.

Он отпустил бороду. На голове красовалась кепка с надписью «Yankees». Его потертые джинсы, кроссовки и серое пальто напомнили мне о первой встрече с инспектором Эвой Монссон. Все его пожитки умещались в черном пластиковом пакете. Несмотря на жалобы на усталость, Томми выглядел намного лучше, чем во время нашей последней встречи, когда санитары утащили его на носилках.

Вполне возможно, он чувствовал себя гораздо здоровее, чем я.

– Свенссон! – воскликнул он, заключая меня в объятия. И тут же склонил голову набок и прищурился. – А... а кое-кто сегодня не чистил зубы.

– Чистил... слегка, – смутился я.

Стефан Перссон запечатлел нашу встречу, а потом снял Санделля стоящим на тротуаре с воздетыми к небу руками. Именно эта фотография красовалась в газете на следующий день, занимая почти разворот. Заголовок гласил: «Жизнь только начинается».

Это был хороший снимок, на фоне снега и всего прочего. «Пусть я влип, – сказал Томми. – Пусть попал в дерьмо. Но я выбрался, и это приключение научило меня ценить жизнь».

Я написал заметку для веб-сайта газеты – срочно в номер – о том, что Томми Санделль выпущен на свободу и, соответственно, больше не подозревается в убийстве женщины из Польши. Кроме того, я позвонил Кристеру Юнсону и попросил за плату приехать в Мальмё и забрать Томми Санделля, пока никто другой его не перехватил. Томми нужно было спрятать, пока СМИ не открыли на него охоту.

Мне показалось неразумным возвращать его в «Мэстер Юхан». Первой мыслью было зарегистрировать его в «Хилтоне», что возле «Триангеля», но и это место вызывало опасения – слишком известное.

Все закончилось тем, что Стефан Перссон доставил нас в «Кин-Лонг». Я знал, что Чьен приходит на работу рано. Мы сидели во внутренней комнате, выпивали и разговаривали, и нам никто не мешал.

В машине я сел рядом со Стефаном, а Томми устроился сзади и болтал без умолку.

– Ты вообще понимаешь, что произошло? – тараторил он. – Представляешь, какой творческий толчок я получил? Могу рисовать, петь и играть – я свободен!

– Я в курсе, – отвечал я. – Это ведь я забрал тебя оттуда.

Но Томми не слушал и распалялся все больше:

– Все великие блюзовые музыканты прошли через тюрьму. Даже Джонни Кэш. И как у него в результате все сложилось?

– Он вроде бы провел там всего несколько часов, – пробормотал я, обращаясь скорее к самому себе.

– А Роберт Джонсон не сидел, – продолжал рассуждать Томми.

– Зато он продал душу дьяволу.

Лицо Томми Санделля светилось счастьем. Он ведь не читал в тюрьме газет, а значит, не видел моей первой статьи с фотографиями мертвой женщины и замусоренной комнаты.

Не думаю, что он так легко согласился бы на интервью, будь ему все известно.

В «Кин-Лонге» Томми Санделль пил воду со льдом и чай, а мы со Стефаном ели пельмени. «Странный завтрак», – скажете вы. Но Чьен готовит очень хорошие пельмени. Кроме того, весь предыдущий день я не брал в рот ни крошки, а значит, это можно назвать и обедом, и ланчем.

После еды Стефан Перссон уехал. Он сделал достаточно фотографий.

– Теперь покончено и со спиртным, и со всем остальным, – решительно заявил Томми.

У нас получилось замечательное интервью.

Томми Санделль вел себя как ребенок. Он не просто не замечал расставленных мной ловушек. Он будто обживал и украшал их на свое усмотрение и весьма комфортно в них себя чувствовал.

– Знаешь, что мне понравилось там больше всего? – спросил Томми.

– Гороховый суп, полагаю.

– Что ты имеешь в виду? – удивился он.

– В такого рода учреждениях, с кухнями общественного питания, его, как я слышал,

особенно хорошо варят.

– Ради бога, у них есть машина, на которой подвозят все готовое.

– Мм... Тогда не знаю, – растерялся я, добавив про себя, что обеда, которые развозит машина, наверняка готовят на кухнях общественного питания.

– Распорядок дня, – неожиданно сказал Томми.

– Распорядок дня?

– Именно. Ранний завтрак, а потом я составлял список того, что хотел бы сделать за день. Большинство, Свенссон, требовало телевизор и видеоигры, а я... – ты не поверишь, но материала накопилось на двойной диск, – я брал в руки кисть... тоненькую такую кисточку или акустическую гитару, и – представляешь, Свенссон? – музыка, картины – все приходило ко мне само; давно уже я не испытывал ничего подобного.

Мне лень было напоминать ему, что двойные диски давно уже никто не выпускает.

– А потом был ланч и прогулка. И если возникало желание поговорить с каким-нибудь жуликом о выпивке, дури или просто о жизни, я мог это делать сколько угодно. Хотя в основном беседовал с адвокатом.

Томми Санделль потерел подбородок и огляделся:

– Как ты думаешь, здесь можно взять пива?

– Ты же завязал!

– Ради всего святого, пиво не повредит. Ты знаешь, сколько всего я вытерпел, должно же быть хоть маленькое вознаграждение, бальзам на душу.

Чьен принес полулитровую бутылку «Мариестада».

Я расспрашивал Томми о том, каково это – сидеть в тюрьме в Истаде, но разговор все сильнее клонился в сторону одиночества и долгих ноябрьских вечеров.

Томми выпил почти две бутылки. Язык у него заплетался.

– Это чертовски трудно... это... когда забываешь слова. Провалы в памяти. Да, это называется «провалы в памяти»!

– Ты о чем?

– Они запихнули меня в гребаный отель... И это после всего... Куда только не забрасывает судьба в наше время странствующего художника!

Двух бутылок оказалось достаточно, чтобы в нем проснулась прежняя болтливость и склонность к высокопарным словечкам. В то же время почти юношеская свежесть, которая так удивила меня в Истаде, исчезала с каждым глотком. Лицо Томми покраснелось, припухло, и сам он как будто усох и стал меньше.

Я же, в свою очередь, чувствовал себя бодрее с каждой чашкой кофе, вероятно китайского.

– Но ты ведь заходил в бар? – спросил я.

– Теплый кабак – лучшее, что есть в жизни, – отвечал Томми. – Теплый кабак и женские объятия.

– Ты был там с женщиной.

– Правда? – Он посмотрел с удивлением. – И как она выглядела?

– Невысокая брюнетка – не бог весть что... – Я не стал упоминать, что она была пьяна.

– С большой грудью?

– Не помню.

– Видишь, у тебя тоже чертовы провалы. Тем и хороша тюрьма, что там всегда знаешь,

что вокруг тебя происходит.

Томми взял третье пиво. Глаза его заблестели, а лицо расплылось в улыбке. Он наклонился и помахал у меня перед носом указательным пальцем:

– А я вот твою даму помню хорошо...

Правильно, так все говорили.

– Красивая, стильная, элегантная. Как она?

– Мила, – кивнул я.

Томми расхохотался:

– Мила? Я имею в виду, в постели. Молчаливая? Нежная? Или огонь? Она кричит?

– Не знаю, в постель мы не ложились.

Он снова рассмеялся:

– И ты думаешь, я в это поверю?

– Верь во что хочешь.

– А вот если бы я влез на нее, она бы закричала. Даже не сомневайся. Они всегда так делают.

Он не знал, что Кристер Юнсон все мне рассказал.

– Меня больше интересует женщина, которая лежала рядом с тобой, – вздохнул я. – Ты помнишь, что произошло?

Он пересел на диван. Раздался звук, словно он пукнул, и по комнате распространился кисловатый запах.

– Все было замечательно, – сказал Томми и тише добавил: – Китайская еда способствует газообразованию. Может, поэтому у них принято стимулировать отрыжку, чтобы опорожнить желудок после обеда. Ты об этом слышал?

– Давай, Томми, – быстро перебил я. – Что ты помнишь?

Он уже не наливал пиво в стакан, пил из бутылки. Отставив бутылку, Томми потер виски и устался на журнальный столик перед диваном, словно пытался сосредоточиться.

– Помню клуб, – наконец заговорил он. – «КВ». Должно быть, я перебрал порошка, потому что голова гудела как барабан. Думаю, Кристер Юнсон... Ты ведь знаешь его? Кристер Юнсон был страшно зол на меня. Я чувствовал себя в прекрасной форме, но из гитары не мог извлечь ни звука. И передвигался... будто шел по болоту. – Внезапно Томми замолчал, словно мысль, которую он собирался озвучить, от него ускользнула, но потом нашелся: – Это было как в дурацких старых фильмах. Ты знаешь, о чем я говорю... Все как в тумане, и так странно, и ты не понимаешь ни черта, но все равно смотришь, потому что это единственный фильм в программе на всю неделю.

– Был праздник в холле отеля, – напомнил я. – А потом – непонятно, куда все делись. Некоторые твои собутыльники исчезли, но часть поднялась к тебе, потому что в номере остались бутылки. Кто ушел с тобой, помнишь? – (Он молчал.) – Напрягись, Томми. Ты сам признался, что перебрал, хотя некоторые утверждают, что ты был в полной отключке.

Он загадочно улыбнулся:

– Так ведь... художник – он всегда художник...

– В смысле?

– Сам думай, Свенссон. – Он внезапно ткнул в меня пальцем. – Со мной надо аккуратней, на цыпочках...

– Я думаю о том, что до сих пор никто из них не объявился в полиции. Никто не опознан, никто не дал показаний...

– Стучаки плохо кончают, это я понял в тюрьме, – заметил Санделль.

– Вспомни, Томми, – уговаривал я. – Ты ведь не сидел в тюрьме. Ты весело проводил время в уютном месте, где плетут венки, делают корзины и прочую дребедень, которую я видел на их сайте.

– Но я поклялся. – Томми приложил кулак к сердцу. – Я не стучач.

Моя правая рука сжалась в кулак. Жаль, что я далеко сидел.

– Я помню, как она лежала подо мной. – Он блаженно закатил глаза. – Визжала, как зверек... как поросенок...

Я снова вспомнил Кристера Юнсона и опять сдержался.

– Вряд ли, Томми, – сказал я вместо этого. – Она лежала одетой. И ты тоже.

– Ты точно это знаешь? – Он подозрительно прищурился.

– Я там был, Томми. Не помнишь?

Санделль наморщил лоб, будто крепко задумался, но вскоре его лицо снова просветлело.

– Мне нужно еще пива, – сообщил он. – А может, кое-чего и покрепче.

Он склонил голову набок и заглянул мне в глаза – точь-в-точь ребенок, который выпрашивает у мамы сласти у кассы в супермаркете, хотя до субботы еще далеко.

– Коньячку... Как ты думаешь, у китайца есть коньяк?

– Китайца зовут Чьен, – поправил я. – И коньяк у него есть.

Я знал, что у Чьена имеется коньяк высшего качества, однако попросил самый дешевый. У меня создалось впечатление, что Томми Санделль в скором времени отключится, а значит, тратиться на дорогой нет смысла. Тем более что Томми было все равно.

Так мы просидели весь день. Мне уже казалось, что Санделль засыпает, когда он вздрогнул и уставился на меня выпученными глазами.

– Так это ты меня укутал? – протянул он.

Я выпрямился на стуле, сосредоточился. Что-то новенькое. В той комнате я делал с Томми что угодно, только не укутывал.

– Нет, не я.

Он пристально на меня посмотрел и встряхнулся:

– Нет, тот был крупнее.

– То есть кто-то крупнее меня тебя укутал, ты это хочешь сказать? – подхватил я.

Он тяжело вздохнул и сделал большой глоток из бутылки.

– Ах, я уже не помню, все как в тумане.

– Он что-нибудь говорил? Напрягись, во имя всего святого, Томми!

– Я стараюсь, и вряд ли твой крик мне поможет.

Мне оставалось только удивляться ангельскому терпению Кристера Юнсона. Как только он управлялся с этим взрослым ребенком?

– Давай же, Томми... Что он тебе говорил?

Но Томми Санделль не отвечал. Через пару минут комнату огласил храп.

Чертов идиот!

В этот момент пришла эсэмэска от Кристера Юнсона. У меня еще час, – сообщил он. Я отвернулся от храпевшего Томми Санделля и включил ноутбук. Мое интервью выйдет уже завтра – эксклюзивный материал с фотографией Томми на фоне кружащихся снежинок в Истаде и заголовком: «Жизнь только начинается».

Чьен убрал со стола. На столиках снаружи уже рассаживались обедать. Потом в нашей

комнатке появился Кристер Юнсон. Я кивнул на ноутбук, затем – на спящего Санделля.

– Он начинает новую жизнь.

– Вижу, – отозвался Юнсон. – Не в первый раз. На всякий случай я поставил в холодильник травяной настой.

И пока Чьен накрывал Кристеру Юнсону весенние роллы и цыпленка с ананасом, я прогулялся до двух ближайших банкоматов и снял в общей сложности двенадцать тысяч крон. Деньги предназначались Юнсону в качестве компенсации дорожных издержек, платы за труды и – не в последнюю очередь – за молчание.

Ни расписок, ни квитанций не полагалось. Мы расплачивались «по-черному». «Чернее, чем в Конго», как остроумно выразился Кристер.

– Удивительно, но Санделль до сих пор не поинтересовался, где его мобильник, – заметил я, передавая Кристеру деньги. – Между тем я нашел его в пластиковом пакете, среди остальных вещей. Я и не пытался его включить. Думаю, тебе тоже не следует этого делать. Пусть Санделль спокойно спит до утра в твоём автобусе. Кому он понадобится среди ночи? Кстати, на твоём месте я отключил бы и свой телефон. Тогда не придется врать репортерам.

Юнсон выглядел как в прошлый раз, только на футболке вместо «Доктора Филгуда» красовалась эмблема «Мотерхэда». Кристер кивнул и ответил, не переставая жевать:

– За двенадцать кусков я готов не включать мобильник хоть целую неделю. Если позволишь, могу отвезти Санделля к себе домой. Там он прекрасно выспится на моем диване. А завтра с утра – моя не проснется в такую рань – тронемся в Стокгольм. Решено.

Нам удалось на удивление легко привести Томми в чувство. Веселого и отдохнувшего, мы повели его к «меркабусу» Юнсона.

Он лукаво подмигнул мне, когда я пристегивал его к пассажирскому сиденью:

– А знаешь, что он сказал?

– Кто?

– Тот, который был крупнее тебя?

– Что? – насторожился я.

– Он шикнул на меня и велел спать дальше, а потом говорил что-то про Робин Гуда и Рождество.

– Про что?!

– «Как Робин Гуд на Рождество» – вот его слова. Больше ничего не помню.

– Что он имел в виду?

Санделль пожал плечами:

– Он вылез в окно со всеми своими мешками.

– Мешками?

– Полными денег, – уверенно кивнул Томми.

Я вышел из салона, направился к Юнсону и передал ему слова Томми.

– О чем это он, как думаешь? Ты лучше меня его знаешь.

Кристер Юнсон пожал плечами, затаился и, бросив окурок на землю, шагнул в кабину. Автобус покатило из города. Он скрылся за «Триангелем», а в воздухе еще целую минуту висел удушливый кислый запах. Возможно, «меркабус» и не самая совершенная машина на сегодняшний день, зато в нем можно отлично выспаться.

В ушах у меня еще долго стоял храп Томми Санделля.

Вернувшись к Чьену, я рассчитался за еду, пиво и коньяк. Томми выпил три бутылки.

Точнее, две с половиной, но за третью я заплатил полностью.

Теперь нужно вернуть отданные Кристеру двенадцать тысяч. В финансовых махинациях я ас. Это единственное, чем стоит заниматься.

Я отослал статью, и через полчаса Карл-Эрик Юханссон лично позвонил и сообщил, что все в порядке.

– Кто-нибудь, кроме вас, до него добрался? – уточнил он.

– Никто.

– Ты что, следил за ним? – удивился Карл-Эрик.

– Следить не нужно, – объяснил я. – Достаточно заплатить.

Потом я набрал номер Эвы Монссон и надиктовал на автоответчик, что побеседовал с Томми Санделлем и наше интервью выйдет в завтрашней газете. Я утаил и от Карла-Эрика, и от Эвы, что фактически спойл Томми – и это после всех его объявлений о начале новой, трезвой жизни! О Робин Гуде, Рождестве и типе с денежными мешками я тоже, разумеется, умолчал.

В конце концов, каждый человек имеет право на свои тайны.

Тем более журналист.

Тем более в мире, где людям так не терпится осветить все темные уголки.

И не овчарка подняла меня с постели на следующее утро. Не старый автомобильный рожок, не стук теннисных мячиков, не фортепианное тремоло. Потому что мобильник я отключил с вечера, решив воспользоваться старым, проверенным средством: позвонил на ресепшен и попросил разбудить меня в шесть.

Теоретически достаточно было дать команду имевшемуся в номере телефонному аппарату – в нем предусмотрена и такая функция. Но практически это очень сложно и всегда срабатывает неожиданно. Я как-то попробовал – в результате он звонил через каждый час.

Итак, я поднялся в шесть утра и уже в семь сидел в машине на пути в Стокгольм.

Вчерашний снегопад за ночь сменился ливнем, и холодные струи хлестали в ветровое стекло. Ветер налетал порывами. Я нервничал и сжимал руль так, что побелели костяшки пальцев.

Стокгольм, январь

Весь год шведы мечтают о снежном Рождестве, словно быстро забывают, что это значит на самом деле. А стоит мечте сбыться, ждут не дождутся, когда Рождество закончится, и на чем свет стоит клянут его в блогах и твиттерах.

Инспектор криминальной полиции Эва Монссон не ошибалась, сказав, что Томми Санделль встретит Рождество со снегом. Ее прогноз оправдался на большей территории Швеции. Бывали дни, когда термометр за моим окном в Стокгольме показывал минус девятнадцать по Цельсию – температура скорее для эскимосов, чем для жителей современного европейского города.

Но в то утро, двигаясь на север от Мальмё, я быстро привык к окружающему меня белому безмолвию. Нервозность от загадочных писем и неприятных вопросов Эвы Монссон постепенно улеглась. С тех пор я не получал мейлов на эту тему. Напротив, поступило несколько запросов с радио и телевидения с предложениями, касающимися Томми Санделля и найденной рядом с ним мертвой женщины.

Одни меня заинтересовали, другие нет.

Все зависело от того, обещали мне деньги или нет и предлагали ли мне добираться до студии или радиостанции на такси.

На одну программу планировалось пригласить известного не то криминолога, не то другого специалиста по преступлениям – в общем, очень популярную личность, и нас с Эвой Монссон.

Я, разумеется, интересовал их только в связи с Томми Санделлем. Ей же предстояло рассказать о сумасшедшем, расстреливающем в Мальмё эмигрантов. Собственно, Эва не занималась этим делом, просто редакция решила восполнить ею наблюдающийся в криминальных программах недостаток умных и хорошеньких женщин. Эва подходила по всем статьям, кроме того, она не ругалась на камеру.

– Черт, как холодно! – воскликнула она, войдя с улицы.

В студии Эва использовала совсем другой язык, в котором, помимо всего прочего, не было и намека на сконский говор.

Они повезли нас в «Лидмар». В этом отеле – замечательный бар, где мы и выпили, а потом я пригласил Эву пообедать в ресторане на Риддарсгатан, в котором сам часто бывал.

– Ты не разговаривал с Санделлем в Стокгольме? – спросила Эва.

– Нет, – ответил я. – Ожидал встретить его в радиостудии, но он так и не явился. Возможно, это к лучшему. Кажется, он не готов к беседе со мной. Я с ним тоже.

На самом деле все обстояло не совсем так.

Я гадал, есть ли у Эвы Монссон тайны от меня? Я ведь так и не сказал ей о человеке с мешками денег, который шикнул на Томми и велел ему спать. Загадочное электронное письмо тоже от нее утаил. Сам не знаю зачем.

– И как там у вас с ней?

– С кем? – удивился я.

– С той, с которой ты встретился в Мальмё.

– Об этом ты, похоже, знаешь больше моего, – буркнул я неожиданно грубо.

– Ты всегда так нервничаешь, когда речь заходит о ней?

Эва права, не стоило так волноваться.

Возможно, на меня опять действовала полная луна, а я не замечал.

– Где вы видите? Ты водишь ее сюда?

– Кого?

– Не знаю. Ее.

– Нет, не вожу.

– Ты, помнится, говорил, что вы познакомились на конференции в Стокгольме, и я почему-то решила, что именно здесь.

Я ничего не ответил. Не мог сказать ей, что все началось с дегустации вина. Эва, конечно же, навела бы справки. Я вообще не знал, что придумать, – слишком трудно обмануть настоящего следователя.

– Мы сидели совсем в другом месте, – наконец выдавил я.

– Сидели? – переспросила она. – Звучит так, будто вы выпивали. Раньше ты называл это конференцией.

– Называй как угодно.

Она отложила приборы:

– А теперь я хочу большую чашку свежемолотого кофе и коньяк.

По Мальмё разгуливал маньяк, охотившийся на эмигрантов, – современный вариант «человека с лазером»^[19], и я увидел в этом подходящую тему для беседы, но Эва не клюнула.

– Мне нечего сказать о нем, даже телевизионщикам, – отрезала она. – Я не настолько глупа, чтобы не понимать, почему они меня выбрали. Но от приглашений в Стокгольм никогда не отказываюсь.

– А как далеко продвинулось расследование дела Томми и Юстины?

Эва вздохнула:

– Мы допросили всех, кто был в отеле. Раз сто вызывали ту, с которой он пил в «Бастарде», и все напрасно. Ничего нового. – Она вылила в рот остатки коньяка. – Но в этом нет ничего удивительного. Далеко не всегда получается докопаться до истины.

– Странно слышать такое от следователя, – заметил я.

– Ты прав, это не для печати.

Мы попросили официанта вызвать такси, и я проводил Эву к выходу. Она куталась в сто одежек, увенчав себя огромной меховой шапкой, которая больше подошла бы русскому солдату времен Зимней войны, а за окном мело всюю. Таксист, поднимавшийся к нам по Риддарсгатан, с трудом пересек улицу.

Лишь только машина скрылась в клубах снега, я вернулся на место. Нет ничего приятнее, чем сидеть в теплом ресторанным зале, когда за окнами дождь или метель. Из-за маленьких столиков здесь было довольно тесно, а от несмолкающего приглушенного гула становилось еще уютнее.

Я засиделся там до закрытия.

Все равно больше нечем заняться.

И потом, должен же кто-то оставаться в зале до самого конца.

Я обдумывал очередную поездку в Копенгаген. Не то чтобы рассчитывал найти там что-то новое или встретить кого-нибудь, владеющего информацией.

Тогда зачем? В чьих интересах? И что мне делать с полученными сведениями?

Передать Эве? Зачем?

Когда я проснулся на следующее утро, термометр показывал только минус семнадцать.

Весна уже в пути.

Батареи были теплые, но дом старый, дуло изо всех щелей. Я надел теплый свитер, ботинки, обмотался шерстяным шарфом и включил ноутбук.

Мне пришло новое сообщение.

Я не знал отправителя и вряд ли смог бы воспроизвести наизусть сочетание букв в поле «отправитель». Тем не менее я вздрогнул.

Браво, – писал zvxfr. – Эва Монссон великолепна на телеэкране, но она не открыла всей правды.

Часы показывали десять. Письмо поступило на мой адрес в семь сорок пять.

Что же такого утаила от телезрителей Эва Монссон?

Я взял мобильный и набрал ее номер.

Раздался голос автоответчика, – вероятно, Эва Монссон сидела сейчас в самолете, летевшем в Мальмё.

Я отменил вызов.

Что мне ей сказать?

Нужно набраться смелости, чтобы говорить о самом себе.

С чужими тайнами намного проще.

Гётеборг, февраль

Решение пришло в салоне автомобиля. Дождь барабанил по крыше и хлестал в ветровое стекло.

Он ей покажет.

Научит, как нужно себя вести.

Такое не должно остаться безнаказанным.

Мужчина не мог забыть презрения в ее взгляде. Или это было удивление? Нет, презрение. Отвращение.

Он не привык, что женщины так на него смотрят.

И как она с ним разговаривала! Сказала, что раскаивается, что все было ошибкой с самого начала. Но хуже всего – она его жалела. И тем самым ставила себя выше его, смотрела сверху вниз.

Мужчина вышел из машины, достал из багажника сумку и вернулся на место.

Он всегда путешествовал со специальной сумкой, особенно когда сидел за рулем. Он научился быть готовым ко всему. Кто знает, когда представится подходящий случай. Все лежало в идеальном порядке. Достаточно запустить внутрь руку, чтобы вытащить парик, делавший его на несколько лет моложе – во всяком случае, если верить отражению в зеркале заднего вида. Парик был черный, волосы топорщились, если их как следует не пригладить.

Очки?

Он выбрал со стальными дужками.

Нет.

Примерил другие, в толстой черной оправе.

Совсем неплохо.

Мужчина легко менял обличья, у него богатый опыт.

Сейчас он выглядел совершенно другим. Представительным. Собственно говоря, этого было бы достаточно, но он работал и над осанкой, и над походкой. И когда появлялся на улице в парике, с накладными усами и в очках и вдобавок хромал, слегка склонив голову набок, его не узнавали. Тем более люди, с которыми он до этого встречался всего раз. Хотя к нему особенно и не приглядывались. В гостинице он старался лишний раз не маячить у регистрационной стойки. Сохранял инкогнито, и это ему удавалось.

Он бережно ощупывал содержимое сумки. Легкий коробок. Это был его первый раз. Да, точно... Все шло хорошо, ничто не предвещало такой развязки. Кафе с дорожными кривыми. Она ему улыбнулась, а он уже знал, чем все закончится.

Она повела его за собой. Как дворняжку, на поводке. Переписка по мейлу обещала многое. Теперь ее надо поставить на место. Укротить.

Мужчина вытащил из сумки наручники и сунул в карман куртки.

Куда бы он ни собирался, клал в сумку наручники, скотч и деревянную расческу. Если будет нужно, он пустит в ход и ремень от брюк. Он нажал кнопку на брелоке автосигнализации, дождался щелчка и побрел к отелю. Дождь усилился. Оставалось надеяться, что парик не пострадал. В современных отелях, не имея ключа от номера, выше первого этажа не пройти. Именно за ключом он и отправился в бар.

Бар «Рука епископа» располагался в подвале отеля, стекла очков сразу запотели. У двери

он остановился в неуверенности. Он не привык к очкам и натужно соображал, что люди делают в таких случаях. Наконец, собравшись с духом, снял их и протер стекла платком.

Внутри слева от двери он разглядел длинную барную стойку, уходящую в зал под сводчатым потолком, где стояли столы, стулья, кресла и вмурованный в стену мягкий диван. Справа столов было больше, но эта часть зала лучше просматривалась.

Публика состояла в основном из мужчин, которые пили виски или пиво из пинтовых стаканов, совсем как в Англии. В отеле проходила конференция.

Он и сам не раз участвовал в конференциях и всегда удивлялся, как много на них пьют. Он решил взять «Гиннесс» и немного поиграть в карманника. Приблизившись к барной стойке, увидел троих мужчин, стоявших с виски и пивом. Один из них, рыжий толстяк, выложил на стойку мобильник, блокнот и ключ-карточку от номера в отеле.

Подивившись беспечности столь солидного на вид человека, мужчина наклонился, словно желая посмотреть, какого сорта у того пиво, незаметно накрыл ладонью пластиковый ключ-карточку и мигом опустил его в карман пальто. Потом выпрямился и как ни в чем не бывало зашагал к лифту. Чтобы подняться к номерам из бара, ему не пришлось лишний раз пересекать холл.

Лицо человека в кресле возле лестницы, ведущей наверх, показалось ему знакомым. Мужчина в очках вошел в лифт, вставил ключ-карточку в щель замка и нажал кнопку. Мысль пришла в голову, как только лифт тронулся с места.

Он разволновался.

Раньше с ним такого не бывало. До определенного момента он думал лишь о предстоящем деле, эйфория приходила позже. Но сейчас он собирался отомстить, а значит, перед ним стояла более важная, чем обычно, задача. И это мешало мужчине сосредоточиться.

Убить двух зайцев одним выстрелом.

Вдобавок ко всему он стал вором, и это тоже нервировало.

Люди бывают на удивление доверчивы и неосторожны. Иногда достаточно решительно постучать в дверь, чтобы хозяйка открыла и выглянула в коридор. Женщина не успела даже испугаться – гость изо всех сил хлопнул дверью, так что она отлетела к стене. Потом мужчина вошел и закрыл номер изнутри, а когда хозяйка попыталась дернуться, ударил ее кулаком в живот, в солнечное сплетение, как его научили в детстве в уличных драках. Женщина упала на колени, жадно глотая ртом воздух, а он отвел назад ее ладони и надел наручники. Потом приподнял ее, потащил в комнату и бросил на кровать. Она все еще задыхалась, когда он вернулся к двери за сумкой. Он достал шарик, похожий на теннисный мячик, и сунул его женщине в рот, для чего пришлось запустить ей в ноздри пальцы и, раздвинув челюсти, пальцами другой руки прижать язык книзу. Потом заклеил ей рот, обведя скотчем скулы и сомкнув концы ленты на затылке.

Пока женщина лежала на кровати, тяжело дыша, мужчина прошел в прихожую, снял пальто и аккуратно повесил его на вешалку.

Комната оказалась просторной, с письменным столом, кроватью и мягкими креслами. Дождь хлестал по оконным стеклам. На ночном столике стояла наполовину пустая бутылка коньяка и выпитая «Грэнстедтс монополе». Устроила себе праздник. У нее хватило на это наглости, после того как она вышвырнула его вон. Что ж, теперь его очередь праздновать.

Не снимая перчаток, он потер руки, словно что-то смахивая, и оглянулся на женщину на кровати. Ее грудь в декольте белой блузки тяжело поднималась и опускалась, голубая юбка в

белый цветочек высоко задралась. Он поправил юбку. Всеми свое время, никогда не стоит опережать события.

– Нужно пристегивать цепочку, когда собираешься открыть дверь, – подсказал он.

Хотя и это вряд ли бы ей помогло. Дверь открывается вовнутрь; бросившись на нее всем телом, он, конечно, сорвал бы цепочку.

Такое он проделывал неоднократно.

Поначалу она ничего не поняла.

Удар в живот не причинил особенной боли, но словно выбил из нее весь воздух, который она теперь безуспешно пыталась набрать заклеенным ртом. Парик, усы и очки полностью изменили его облик, но, как только мужчина заговорил, она узнала голос.

Женщина повела себя на удивление спокойно.

Ее юбка снова поползла вверх, и он опять поправил ее.

Она спрашивала себя «за что?» и была уверена, что он ее изнасилует.

Она старалась сохранить ясный рассудок и пришла к выводу, что лучше всего лежать тихо, чтобы не раздражать мужчину.

Говорить она не могла.

После она крутилась на постели, переворачивалась с боку на бок, но когда попыталась встать, он сразу дал ей понять, кто в доме хозяин.

Будь у нее возможность сказать хоть слово, она, вероятно, попробовала бы с ним торговаться, предложила бы что-нибудь. Но у нее во рту крепко сидел шар.

Женщина не понимала, что происходит.

Переписка по электронной почте показалась ей многообещающей, разве что фото, которое он ей выслал, было либо очень старое, либо вообще принадлежало другому человеку. Но даже не внешность оттолкнула ее при встрече. Они сидели в кафе «Бругюллен», через улицу наискосок от отеля. Она надеялась почувствовать к визави некое сексуальное влечение, – в конце концов, именно в этом и состояла цель их переписки, – но в первый же момент поняла: этого не случится. И чем дольше они сидели за большим столом у окна, тем реже она отводила взгляд от окна, за которым шел дождь и проносились трамваи одиннадцатого маршрута. Вагончики направлялись либо в сторону Бергшё, либо в противоположную – к Сальтхольмену. Возле кафе они заворачивали за угол, и ей казалось, что даже трамваи объезжают стороной это место.

В конце концов она решила сказать правду: она сожалеет, но все это зря. Вероятно, она струсилась. Испугалась. Она, а не он. Но и ему стало не по себе. Не то чтобы страшно, но как-то гадко.

– Ничего личного, – вздохнула она, вынула из сумочки маленький конвертик с ключом-карточкой и допила остатки чая.

Он успел заметить номер.

– Ничего личного? – переспросил он. – А что тогда, сверхличное?

Ему показалось, что они на редкость хорошо подходят друг другу.

Ложь.

Но женщина ему понравилась.

Сорок с лишним – она писала об этом, – но сохранилась отлично.

Теперь он ругал себя за то, что плохо подготовился. Следовало бы, по крайней мере,

захватить розгу.

Она заслужила хорошую порку.

С розгами нелегко управляться, но он так часто имел с ними дело, что стал настоящим асом. Он, как никто, умел разрисовывать задницы.

Об этом лучше спросить ту польку, но она мертва. Можно не сомневаться, она простояла в поезде до самого Копенгагена после их первой встречи.

Он включил телевизор. На полную громкость.

Комната казалась хорошо изолированной, к тому же с шариком во рту женщина могла только мычать. Само наказание, конечно, никогда не проходило беззвучно, но, с другой стороны, здесь, как говорили, часто останавливались рок-группы. Можно представить, что приходилось слышать бедным постояльцам!

Мужчина снял пиджак и повесил его на крючок рядом с пальто. Потом открыл сумку и достал массажную щетку для волос. Большую, овальную и относительно новую – он пользовался ею только раз.

Он подошел к кровати.

Женщина следила за каждым его движением. Она не сомневалась, что ее изнасилуют. Но когда он приблизился с массажной щеткой, на ее лице отразился ужас. Она попыталась лягнуть мужчину, но он одной рукой обхватил ее за талию, толкнул головой вперед и поставил раком – совсем как на картинках, которые так ее возбуждали.

В этот момент она испугалась по-настоящему.

Наручники не позволяли ей опереться о кровать руками. Когда же мужчина положил на ее голени свою правую ногу, она совсем затихла.

– Ты хотела порку, – напомнил он, наклонившись к ее уху. Его голос звучал приглушенно, словно рот был набит картофельным пюре. – Сейчас ты ее получишь.

Она почувствовала, как он задирает ее юбку, которую до этого несколько раз одергивал. Теперь он сидел прямо и гладил ей бедра и ягодицы. Казалось, он делает это в перчатках.

Мужчина не спешил. Внимательно разглядывал ее чулочный пояс, как будто тот был произведением искусства. Трогал полоску кожи между краем чулка и шелковыми трусами. Потом вдруг просунул пальцы под нежную, скользящую ткань и резко потянул вниз, обнажив белые ягодицы.

Звуки ударов эхом отдавались от стен, но тонули в липкой, как сахарная патока, мелодии шлягера шестидесятых. Лилль-Бабс подходила для целей мужчины, как никто другой. Впрочем, он ее не слушал, не в силах оторвать глаз от подрагивающей плоти, которая с каждым ударом наливалась кровью.

Женщина сомкнула челюсти вокруг шара во рту. Лежала тихо, не показывая, что ей больно. Хотя до сих пор не представляла себе, что возможна такая боль.

Познакомившись с мужчиной в Интернете, она, вероятно, рассчитывала на ролевые игры, развлечения, о каких читала в газетах и на соответствующих сайтах в Сети. Но с первого взгляда на мужчину ей стало ясно, как он от всего этого далек. Он сыпал удары. Ритмично, безжалостно. Кожа горела. Женщина извивалась, пыталась вырваться, лягалась. Потом ей почудилось его бормотание. Она пыталась кричать.

Наконец он взял ее за локоть и поставил на колени.

– Теперь ты все поняла? – услышала она над ухом.

Она кивнула. Простыня у ее лица была мокрой от слез.

Он поднялся. Расстегнул ремень и затянул вокруг ее шеи. Крепче. Еще крепче.

Женщина сдавленно застонала. «Гортанные звуки», – вспомнил он.

Она извивалась, как ящерица. Глаза будто вываливались из орбит. Потом затряслась и стихла.

Но мужчина не ослабил ремень, затянул его еще крепче и медленно сосчитал до тридцати.

И только потом снова вдел ремень в брюки.

Он снял с женщины наручники и перевернул ее на спину.

Вынул изо рта шарик.

На полу валялись ее трусики. Он поднял их и надел на женщину.

Затем снял с вешалки пиджак и убрал в сумку массажную щетку, наручники и мяч.

Задумался на несколько секунд, после чего достал из кармана маленький пластиковый пакетик. Таблетки – снотворное и средства от морской болезни – он всегда брал с собой, как и инструменты для экзекуции. Для него не составляло проблемы раздобыть их в любом количестве. Когда-то мать накачивала его подобными пилюлями, а сама уезжала в Копенгаген.

Он снова оглянулся на женщину.

Приковывать ее к кровати не имело смысла.

Мужчина взял пластиковый ключ-карточку и пошел к двери.

В лифте он нажал нижнюю кнопку.

Ему повезло: толстяк до сих пор сидел в баре.

Один, что удивительно. Все знали, как любит он женское общество и никому еще не ответил отказом, хотя дома жена и дети.

Сколько их? Двое? Трое? Четверо?

У стойки толчечя, но возле толстяка одно место свободно. Как будто публика боится ему помешать.

Мужчина в очках нагнулся к стойке спиной к залу и протянул толстяку руку:

– Я не нарушу вашего уединения. Всего лишь хочу поздороваться.

– Я вас знаю? – Толстяк поднял удивленные глаза и ответил на рукопожатие.

Он вперил в незнакомца мутные глаза. Возможно, пилюли лишние. Хотя ничего нельзя знать наверняка.

– Я ваш поклонник, – продолжал мужчина в очках, – полностью одобряю вашу политику. Думаю, вы тот, кому суждено привести наше общество к справедливости. Могу я угостить вас пивом?

– Нет, от пива толстеют, мне бы чего-нибудь... Душа, знаете ли, хочет праздника.

Последнее слово прозвучало как «праздника».

Он заказал для толстяка виски. В баре было полно людей, но официант сразу поставил на стол бокал. Мужчина заплатил и незаметно высыпал туда несколько овальных желтых таблеток.

– А вы сами? – участливо поинтересовался толстяк.

– Я за рулем. И вообще, мне пора.

– Бросьте! – Толстяк махнул рукой.

– Как это вы здесь задержались? – спросил мужчина в очках, заглядывая толстяку в лицо.

– Пушшш... – прошипел тот сквозь зубы.

– Пуш?

– Все ушли на Пуш, там самые красивые девчонки. Но я вчера там был, и я ненавижу

Пуш.

– Но что это?

– То же, что и Стюреплан, только в Гётеборге. Так утомительно... И музыка тоскливая.

Как и большинство его коллег, толстяк предпочитал Брюса Спрингстина, он говорил об этом во всех интервью. На фотографиях в газетах толстяк выглядел молодо, даже, выражаясь языком подростков, «хиппово». Но сейчас, помятый и пьяный в стельку, снова тянул на свой возраст.

– А я вот никогда там не бывал. Как, вы говорите?

– Пуш-ш-ш... – снова прошипел толстяк; изо рта его воняло.

– Впервые слышу, но мне почему-то кажется, у них в репертуаре нет Брюса Спрингстина, если там вообще есть дискотека.

– Дискотека... – Толстяк рассмеялся. – Откуда ты взялся, черт тебя подери? Дискотеки давно ушли в историю, теперь только клубы... Клубы и шлюхи – заносчивые, тощие суки... которые любят лишь свои мобильники и клацают ими... чик-чок, пока ты их трахаешь... – Он тряхнул головой и попробовал поднять бокал с виски. – Раньше еще был «Пенни Лейн», но сегодня по улицам не проехать... Да и зачем, если там сутками напролет крутят чемпионат по футболу?

Толстяк поднес ко рту бокал и сделал глоток виски. Он собирался еще что-то сказать, но голова упала на грудь, где на заляпанном красном галстуке красовался значок партии.

– Вам помочь подняться в номер? – с готовностью поинтересовался мужчина в очках.

– Ничего не понимаю... – бормотал толстяк, – как я мог так напиться?

– Я помогу вам.

– Я живу в... «Авилоне»... – бормотал толстяк, – но это ведь не «Авилон»?

– Я найду.

Мужчина взял толстяка под руки и повел его из паба к лифту, нажал кнопку и вышел на том же этаже, откуда только что спустился.

– Но это не похоже на «Авилон», – недоуменно озирался толстяк.

Женщина все еще лежала на кровати, уставившись в пустоту.

Мужчина усадил толстяка в кресло. Тот тут же откинулся, уронил голову на спинку. Потом снял с него ботинки и брюки с кальсонами, последние оказались ярко-желтого цвета, с рисунком из голубых лосей, и это его удивило.

Уложив толстяка рядом с женщиной, он решил дополнить картину пятном спермы на простыне. Взял пенис толстяка в руку, однако тот быстро обмяк. Тогда он развернул толстяка лицом к женщине и положил его правую руку на ее грудь.

Теперь пришло время заняться ее вещами.

Он нашел в сумочке идентификационную карточку, кредитку, мобильный и кучу разной чепухи, какую всегда таскают с собой женщины: тампоны, старые квитанции, упаковку влажных салфеток, брелок с ключами, таблетки от головной боли, шпильки, заколки, зеркальце, помаду и горсть монет разных стран, а также спичечный коробок, жевательную резинку, два паспорта – новый и просроченный, – семь авторучек, сувенирный флакон из-под духов и фотографию молодой девушки, должно быть ее дочери. Они похожи как две капли воды – он поднял взгляд на женщину. Может, стоит отыскать эту девчонку и всыпать ей розог,

которых в свое время недополучила ее мать.

Он хмыкнул.

Жизнь бывает полна возможностей, но не всегда.

Он поднял на кровать ее дорожную сумку. Отыскал в ворохе тряпок флешку и снова задернул молнию. Потом упаковал ее ноутбук в чехол, подобрал с пола все вещи, включая мобильник, ботинки, брюки и кальсоны мужчины, положил все в свою большую сумку и застегнул молнию.

Возле кровати валялась на боку большая сумка-тележка на колесиках. Он знал, что в ней, – женщина об этом писала.

Мужчина снял с вешалки пальто, приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Никого. Он переступил порог, повесил на ручку двери табличку «Просьба не беспокоить» и, щелкнув замком, несколько раз толкнул створку вовнутрь.

Только в машине, выехав из города в южном направлении, мужчина позволил себе расслабиться. Но в ушах еще долго отдавались звуки ударов, а перед глазами мелькали красные полосы. Теперь он мечтал о сигарете и бокале виски.

Мобильники – свой и ее – он уже давно выключил, а сим-карты выбросил в Фюллеон^[20]. Дома он первым делом сожжет одежду мужчины и свою, а также ее сумочку со всем содержимым. Шарик следует продезинфицировать, хотя правильнее будет сжечь и его. Достать новый несложно, их полно в секс-шопах. Стоят около нескольких сот, но, если заказывать по Интернету, выйдет дешевле. Теперь наручники. Он где-то читал, что, как их ни чисти, на них остаются кусочки кожи. Поэтому ночью он выбросит их в мусорный бак возле АЗС к югу от Хальмстада.

Он представил себе лицо глупого журналиста, которому ни за что не докопаться до правды, и широко улыбнулся.

Сжечь все, от всего освободиться.

Кроме массажной щетки.

Он долго размышлял и пришел к выводу, что ни одному криминалисту не придет в голову, что она связана с исполосованной кожей женщины.

Он покупал ее через Сеть и заплатил больше, чем за мячик или наручники.

Обыкновенная массажная щетка.

Гётеборг, февраль

Очнувшись, Йеспер Грёнберг не понял, где находится.

Или нет.

Разумеется, он узнал место, скорее, забыл, кто он.

В глаза бил нестерпимо яркий белый свет, мозги плавились.

Он словно оказался в другом мире, который, вероятно, и был тем, что называют преисподней.

Да, он горел в аду.

Он попробовал повернуться, и у него получилось.

Тут Йеспер Грёнберг понял, что рядом кто-то лежит.

Женщина?

Она не двигалась.

Должно быть, он и сам был таким минуту назад.

Он пошевелил рукой, которая лежала на талии женщины, и ощупал свое тело.

Как странно! На нем нет ни кальсон, ни брюк.

И еще он лежал мокрый. Не может быть! Неужели обмочился?

Обмочился! Как неопытный подросток!

Йеспер Грёнберг толкнул женщину.

Но она не двигалась.

Несмотря на неприятность, которая случилась с ним в постели, Йесперу снова хотелось в туалет.

Но, черт возьми, где он сейчас? В отеле?

Похоже на то.

Однако номер не его.

Тогда как он сюда попал?

Он снова лег на спину, потом на правый бок и лишь после этого попробовал сесть. Перед глазами Йеспера все поплыло. Он встал, рывком преодолел пару метров, отделявших комнату от ванной, и упал на колени перед унитазом. Его рвало, а по ноге стекала струйка мочи.

Последний раз он напивался так, будучи студентом. Тогда он учился в США. Хотя какая там учеба! Два года сплошного праздника, непрекращающейся пьянки.

Он спустил воду, вытащил из держателя полотенце и промокнул пол.

Йеспер никогда не терял головы.

Никогда не был таким пьяным и не преувеличивал своих возможностей.

И вот теперь он сидел на полу в ванной и разглядывал свой пенис.

Он всегда им гордился и охотно демонстрировал всем желающим.

Неужели он совокуплялся и с той, что лежит на постели?

Он ничего не помнил.

Оставалось надеяться, что и на этот раз у него все получилось.

Йеспер медленно поднялся и, держась рукой за стену, поковылял в комнату.

Она лежала в том же положении.

Вероятно, вымоталась. Он не слезал с нее всю ночь.

Тогда почему она одета?

И где его брюки?

Если бы их удалось найти, Йеспер выскользнул бы из номера, пока она не проснулась.

Но ни штанов, ни кальсон нигде не наблюдалось.

Он обнаружил только большую дорожную сумку и еще одну, на колесиках. Должно быть, ее. Йеспер подергал молнию – не мог же он выйти в коридор голым! – но пальцы не слушались.

Оставалось завернуться в полотенце, но и в таком виде он не решался показаться на люди.

Только не Йеспер Грэнберг.

К тому времени он уже вспомнил свое имя.

Он уселся за стол и заметил глянцевого буклет.

Отель «Элит Плаца» в Гётеборге.

Как он, черт возьми, здесь оказался?

Гётеборг. Дебаты! В концертном зале, о равенстве полов.

Но ведь Йеспер поселился в «Авилоне», он современнее, даже с бассейном на крыше.

Что же делать? Позвонить на ресепшен?

Йеспер представил себе разговор.

«Алло, я Йеспер Грэнберг... да, тот самый Йеспер Грэнберг, я не живу в вашем отеле, просто каким-то образом здесь оказался. Я в номере...» А правда, в каком?

«Ах да, мне нужна обувь и штаны...»

А где, собственно, его брюки? Они, в конце концов, имеют полное право спросить и об этом.

Слишком много вопросов, на которые ему нечего ответить.

Нет, плохая идея.

Йеспер приоткрыл дверь, осторожно выглянул наружу.

Слева по коридору горничная азиатской наружности брызгала из флакона перед поломоечной машиной. Что делать Йесперу?

Хотя, с другой стороны, разве не здесь останавливались «Роллинг стоунз» и другие рок-звезды? Персонал, должно быть, привык ко всему.

Йеспер осторожно прикрыл дверь и вернулся в номер.

Разумней будет разбудить женщину и послать ее в «Авилон» за одеждой. Но для начала – обвязать полотенце вокруг бедер.

Смешно, конечно. Всю ночь развлекался с женщиной, а теперь стесняется предстать перед ней в чем мать родила. В ванной, надо надеяться, осталось чистое полотенце.

Через пару минут Йеспер вернулся в комнату и присел на край кровати.

– Эй, ты... – Он осторожно тронул женщину за плечо. – Просыпайся, как тебя там...

Приглядевшись к ней, Йеспер удивился. До сих пор он предпочитал молоденьких, максимум двадцатилетних. А этой... верные сорок... интересно...

Но где он ее встретил и как они сюда попали?

Почему она так странно смотрит?

Только сейчас Йеспер заметил, что глаза женщины открыты.

Если она не спит, почему не подает признаков жизни?

Он осторожно погладил ее щеку.

Кожа была холодной как лед, а взгляд – пустым.

Она мертва.

Йеспер сам удивился, с каким хладнокровием констатировал сей факт.

И вздрогнул, словно его разбудило это слово.

Мертва.

Значит, он, Йеспер Грэнберг, сидит на кровати в отеле, а рядом с ним – мертвая женщина.

И не то чтобы он представил себе заголовки газет, нет, но в эту минуту, растянувшуюся в его представлении на час или больше, он с ясностью осознал суть ситуации. И это понимание, которое невозможно выразить словами, постепенно переполняло его, растекалось по телу волной парализующего холода, а потом вырвалось наружу нечеловеческим криком.

Йеспер вскочил с кровати, будто покойница была заразной, и отлетел к дальней стенке. Там взобрался на диван, сел, обхватил руками колени и вдруг зарыдал, вздрагивая всем телом, словно выталкивал слезы изнутри тяжелыми толчками.

Черт! Черт! Черт! Как же так вышло?

Он ничего не помнил. Или – очень смутно... Кто-то собирался на Пуш, а он так устал от всего... Стюреплан в Гётеборге, все крутые, расслабленные... Девки, которые ложились под него только потому, что он Йеспер Грэнберг... хотя, с другой стороны, многие не знают, кто он таков, и таких с каждым днем все больше. В Швеции разгул невежества – вот что бывает, когда образование вычеркивают из списка национальных приоритетов. Но с другой стороны, разве сам он не искал, где перепихнуться на скорую руку? И все-таки как он здесь оказался?

Он сидел в пабе.

Думай, Йеспер, думай.

Паб. Кружка пива. Виски.

Мысль зашла в тупик.

Чертовы буржуазные ублюдки! Если бы его шеф до сих пор стоял у власти, у Йеспера были бы те, кого по-английски называют «minders», – личная охрана, которая бы опекала его, следила за тем, чтобы он не пил с кем попало и не терял контроля над собой, которая провожала бы его в постель и вообще...

С такой поддержкой ему все было бы нипочем.

И кому теперь звонить? Партийному боссу?

О нет, только не ему.

Он против прогулок на Стюреплан, за то и избран партийным боссом. Он категорически не одобряет всего, что так нравится Йесперу Грэнбергу, – кабаков, вечеринок со звездами, клубов, барбекю...

Йеспера Грэнберга, как и его коллег из окружения старого партийного лидера, нередко встречали в заведениях, закрытых для представителей рабочего класса старой закалки. Но новый босс родился и вырос в Бергслагане, старом рабочем квартале, – крупный и с ручищами, похожими на медвежьи лапы. Такого, пожалуй, остановят у входа на террасу ресторана «Стюрехоф» на Стюреплан.

Оставался прежний шеф. Да, они обеими руками обнимали друг друга в рекламных роликах и на баннерах. Но стоило погаснуть софитам – и дружба кончалась.

Как, собственно, зовут парня, которого приставили к Йесперу? Юхан? Ниссе?

Пеппе? Черт! Что толку вспоминать, если у Йеспера нет даже его номера. Не лучше ли сразу позвонить в СЭПО и сообщить, что он, Йеспер Грэнберг, сидит без штанов в

гостиничном номере рядом с трупом.

Домой... Он должен позвонить домой.

Но Лена наверняка с детьми в каком-нибудь кружке или студии. Хоккей, поло, лошади – что ей может еще взбрести на ум в субботу утром?

Будучи министром по вопросам гендерного равенства, Йеспер много говорил о том, что мужчинам необходимо брать на себя львиную долю ответственности за воспитание детей. На экране и газетных полосах он часто мелькал с Леной, Нике, Нильсом и Дженнифер. Нильса они назвали в честь Нильса Лофгрена, гитариста, игравшего с Брюсом Спрингстином. Дженнифер – в честь героини сериала «Друзья», который нравился Лене. А Нике – это просто Нике.

Он должен позвонить Лене. И вовсе не обязательно рассказывать, где потерял кальсоны и брюки. Или живописать мертвую женщину, которая так и смотрит в душу остекленевшими глазами. Ему не вынести этого взгляда. Собственно, нужно всего лишь закрыть ей глаза... Как это делается?

Йеспер не знал.

Он не раз видел подобные сцены в фильмах, там все было просто.

Но сейчас он не представлял, как можно ее коснуться.

Йеспер полез в карман пиджака за телефоном... Черт! Что происходит? Мобильник всегда лежал в левом внутреннем кармане!

Его нужно немедленно найти. Йеспер поковылял к кровати, нагнулся, осторожно ощупал постель рядом с мертвой женщиной. Мобильника не было. Йеспер нахмурил лоб, лихорадочно вспоминая номер Лены. Нике они тоже купили телефон, а вот Дженнифер и Нильс пока обходились без аппаратов. Хотя постоянно клянчили.

Чертовы буржуазные ублюдки!

Чертовы мобильники!

Йеспер не помнил никаких номеров.

Он оглядел комнату на предмет телефонного справочника, порылся в шкафу. Ничего подобного. Только Библия. Черт, кто сегодня ее читает? А кто пользуется телефонными справочниками?

И долго она еще будет смотреть?

Йеспер взял полотенце, которым подтирал мочу в ванной, и положил покойнице на лицо. Теперь он хотя бы не встретится с ней взглядом. Где же раздобыть чертов справочник? В памяти всплывали разные номера, но все – стокгольмские. А ведь Йеспер в Гётеборге. И если бы не партийные дела, он ни за что не уехал бы из столицы. Зачем? Поднимать глубинку? Ради сближения с национальными корнями?

Конечно, и Гётеборг большой город. Но, как говорят, путешествие из Стокгольма в Гётеборг равносильно перемещению во времени по меньшей мере на три года назад.

По меньшей мере.

Конечно, есть служба 118, но что в ней толку? Номер Йеспера засекречен, он не значится в справочниках... А если попробовать?

В этот момент его голову словно пронзили раскаленным железным прутком. Неужели здесь нет таблеток? Он выдвинул ящик в столе, порылся в коробках из-под обуви. Дамы обычно носят такое в сумочках. Где ее сумочка? Йеспер огляделся, но ничего подобного не увидел.

Тогда он снова уселся на край кровати, сжал руками виски и уставился на покойницу.

Неужели это он ее убил?

Йеспер не знал ответа.

Как она вообще умерла?

Он не видел никаких признаков насильственной смерти, кроме легкого покраснения вокруг шеи и содранной на запястьях кожи.

Что же он с ней сделал?

Внезапно Йеспер почувствовал, что его член встал.

С сексуальным возбуждением это не имело ничего общего.

Йеспер читал, что так бывает. Например, у солдат накануне битвы или у людей, неожиданно оказавшихся в кризисной ситуации. Мозг не успевает понять, что происходит, и подает неправильные команды.

Давно он не бывал таким твердым.

Таким большим.

Как толстая пульсирующая ветка.

Йесперу стало стыдно. Он подошел к столу, путаясь в обернутом вокруг бедер полотенце, снял трубку и набрал номер ресепшена.

Через несколько минут Йеспер снова сидел на диване с поджатыми ногами, а в номере появилась сотрудница отеля в сопровождении двух молодых полицейских – Юханны Мортенссон и Микаэля Юханссона. Юханна внимательно оглядела его – мужчину за сорок, довольно высокого и подтянутого для своих лет, темноволосого, но с сединой на висках и двумя шрамами возле уха, которые так нравились женщинам, – и тут же вызвала подкрепление.

Стокгольм, февраль

Говорят, человек думает о сексе каждые пятнадцать минут.

Или это касается только мужчин?

Но почему именно четверть часа? Я думаю о сексе так часто, как только могу.

Или я что-то неправильно понимаю?

Я не специально, просто... достаточно посмотреть вокруг.

Я сидел перед огромным окном на ротонде ресторана «Рич». Отсюда великолепный обзор – настоящий парад мужчин, детей, женщин.

Снег еще лежал на асфальте, лишь с краю тротуаров обозначилась черная полоса. Температура чуть выше нуля, но на солнечной стороне не холодно, и на улицах довольно много людей. Одни спешат по делам, другие просто прогуливаются.

Я всегда любил наблюдать за прохожими.

Развлекался тем, что отгадывал, кто из них кто, чем занимается или кем себя воображает.

Однажды я спросил свою подругу-лесбиянку, как она узнает себе подобных в толпе.

– Трудно сказать, – задумалась она. – Обычно люди отвечают на мой взгляд. Иногда сексуальная ориентация видна сразу, например у некоторых футбольных звезд. С виду гомосексуалист может быть кем-то вроде Зеба Макахана^[21] – это не имеет значения. Встречаются и мужеподобные женщины – вполне традиционалки. Это сложно определить по фотографии или на экране, но стоит взглянуть в глаза – и мне все становится ясно.

Тогда я спросил, приходилось ли ей ошибаться.

Она задумалась и ответила далеко не сразу:

– Нет, никогда.

Со мной же подобное случалось и раньше, правда не с таким катастрофическим исходом, как в Мальмё. «Надо потренироваться», – решил я и заказал еще одну чашку кофе. Потом сказал себе, что должен проверить собственные догадки как можно на большем количестве мужчин, женщин, мышей и т. п., думающих или нет о сексе каждые четверть часа. Должна же быть какая-нибудь теория? Тут я вспомнил, что на свете существует «Гугл», и полез за мобильником. Однако не успел войти в Интернет, как телефон зазвонил, высветив номер Карла-Эрика Юханссона.

– Чем занимаешься? – спросил он после обмена приветствиями.

– Сижу в «Риче» и размышляю о смысле жизни, – сообщил я.

Я не хотел упоминать о сексе, он сам должен был догадаться, о чем речь. В конце концов, нет никаких оснований предполагать, что он думает об этом реже меня.

– Отлично! – Карл-Эрик, похоже, все понял. – Тогда мне будет проще перейти к делу. Я... то есть мы, редакция, решили попросить тебя помочь нам кое в чем.

– В чем же?

– Видишь ли... история повторилась.

– Какая? – удивился я.

– С Томми Санделлем.

– Прости, но я...

– Правда, на этот раз все гораздо деликатнее.

– Деликатнее?

– Да, теперь это случилось с Йеспером Грэнбергом.

– С тем самым Грэнбергом? – переспросил я, так и не поняв, что же стряслось.

– Полиция Гётеборга обнаружила его сегодня утром в гостиничном номере рядом с мертвой женщиной.

Я лихорадочно пытался осмыслить услышанное. Итак, Йеспер Грэнберг – первое лицо Рабочей партии, бывший министр по вопросам гендерного равенства, одно время рассматривался как кандидат на пост премьер-министра.

– Прости, никак не могу взять в толк...

– Не кажется ли тебе, что это слишком похоже на случай с Томми Санделлем?

– Да... но... не знаю... – растерялся я. – Это он ее убил?

– Неизвестно, – ответил Карл-Эрик. – Полиция застала его в невменяемом состоянии, так что сказал он им не много. Кроме того, на нем не было ни брюк, ни кальсон, ни ботинок. Неплохо, правда? По-моему, завтра наша газета снова будет продаваться.

– И чего вы от меня хотите?

– Ты же проследил для нас всю историю Томми Санделля, а теперь главный редактор хочет, чтобы ты сделал то же самое...

– Но ведь есть огромная разница, неужели не видишь?

– Какая? – удивился он.

– Это я нашел Санделля, – объяснил я. – Но в новой истории я знаю не больше тебя. И вынужден расспрашивать тебя обо всем с самого начала.

– Само собой, но ведь у тебя хороший контакт с той женщиной из полиции. Она твой источник информации.

– Мои источники тебя не касаются, – перебил я.

– То есть?

– Я пошутил. Ты, вероятно, имеешь в виду Эву Монссон. Я действительно разговаривал с ней несколько раз. Но все равно не понимаю, чем она может помочь. Она в Мальмё, а это, ты говоришь, случилось в Гётеборге?

– Да, но поскольку сценарии похожи, полиция Гётеборга должна работать в контакте с коллегами из Мальмё, разве не так?

– Не факт, – рассудил я. – Однако и у вас на этот случай должно быть контактное лицо в полиции Гётеборга?

– Так и есть, – подтвердил Карл-Эрик. – С нами работает инспектор криминальной полиции Бенни Йоранссон. Он ведет это дело, по крайней мере пока. Но ведь ты понимаешь: когда замешаны такие шишки, возникает много помех.

Три женщины с колясками за соседним столиком расплатились и поднялись, собираясь уйти. Одна, блондинка, склонилась над коляской, потом выпрямилась, пригладила юбку и поправила упавшую на лоб прядь волос.

– Ты еще здесь? – раздался голос Карла-Эрика.

– Да, ты что-то сказал?

– Прозондируй дело по своим каналам. Кроме обычных репортеров из отдела криминальной хроники, шеф послал в Гётеборг Тима... Ты его знаешь.

– Щенка? – улыбнулся я. – Да, это будет хороший материал.

– Иронизируешь?

– Ирония нынче не в моде. – Я следил за женщиной с коляской, пока она не скрылась в

толпе. Мне понравилось ее черное пальто, элегантно зауженное в талии. – Кроме того, сейчас меня больше интересует другое.

– Ты занят, я правильно понял?

– Именно.

– Но речь идет всего лишь об одном телефонном звонке.

Он всегда так говорил.

– Вы установили личность женщины? – спросил я. – Та, в Мальмё, была проституткой.

– Полиция не разглашает ее имени из уважения к родственникам. Но она жила в этом отеле, в то время как Грэнберг остановился в другом...

– О'кей, – перебил я. – Я позвоню, а там посмотрим.

За одним звонком Карла-Эрика, как всегда, последовал еще один, потом еще... Но самое интересное, что и они ничего не дали. Мне мог помочь только один человек, но он молчал. В полиции Мальмё ответили, что Эвы Монссон не будет на работе до понедельника. Наконец она передала по голосовой почте, что в сложившейся ситуации мне следует действовать по обычному сценарию: начитывать сообщения на автоответчик и посылать эсэмэски.

В течение нескольких часов я звонил ей двадцать семь раз, передал три сообщения на голосовую почту и послал четыре эсэмэски.

После обратился к Интернету. На сайте hitta.se я отыскал Эву Монссон, которая жила на Амिरальсгатан в Мальмё. Я понятия не имел, какое отношение она имеет к моей знакомой. На сайте был городской номер с кодом 004 – и никакого мобильного. Я подумал, что это ее домашний телефон, и позвонил. Безуспешно, там не оказалось даже автоответчика.

Я вдруг сообразил, что не знаком ни с кем из ее коллег.

Как ни напрягался, не мог даже вспомнить фамилии той женщины из полиции, которая разговаривала со мной в номере, где я нашел Томми Санделля. Зачем это мне было нужно – отдельный вопрос.

Когда я позвонил в участок в третий раз, женский голос сообщил, что Эву Монссон срочно вызвали на выходные в Гётеборг.

Потом снова объявился Карл-Эрик. Спросил, нет ли у меня действующего номера Томми Санделля или не знаю ли я, где сейчас Томми.

– Ни малейшего понятия, – ответил я. – Насколько мне известно, у него контракт на новый диск.

– С кем? У тебя есть телефоны? – оживился Карл-Эрик.

– Я не знаю даже, что это за компания.

– А через Сеть найти не пробовал?

– Нет.

– История уже просочилась в СМИ, но везде пишут только об «известном политике». В завтрашнем номере мы обнарудуем имя. Все только начинается.

– Желаю удачи.

За последние несколько лет журналисты только и делали, что лизали задницу Йесперу Грэнбергу. Лично я не встречал о нем других материалов. Хотя он открыто появлялся в кабаках, стремясь, по-видимому, больше сблизиться с электоратом. Однако ни сам способ, ни выбранная Грэнбергом для сближения часть электората до сих пор никого не смущали.

Но что делает Эва Монссон в Гётеборге?

До сих пор я не решался себе признаться, но очевидно, что тот, кто слал мне письма,

имел отношение к делу Томми Санделля.

В последнем письме он упомянул мою знакомую из полиции Мальмё. Новое убийство произошло в Гётеборге, куда и вызвали на выходные Эву Монссон.

Я не верю в случайности.

Вот почему с первого взгляда распознаю мошенников. Некоторые называют меня циником, но я всего лишь реалист.

Я снова позвонил Эве Монссон и опять услышал автоответчик.

Домой возвращался пешком, чтобы глотнуть свежего воздуха и очистить голову от ненужных мыслей.

И перед тем как лечь, долго стоял у окна, глядя в безоблачное ночное небо.

Луна стояла полная и белая. Не могу сказать, что ее вид наполнил мою душу радостью или покоем, но на этот раз она хотя бы не выглядела такой угрожающей, как в Мальмё.

Стокгольм, февраль

Я сидел в кафе «Иль» на Бергсгатан в Стокгольме.

Это тесное, но уютное заведение с баром при входе и двумя внутренними залами располагается неподалеку от полицейского участка и мэрии на Кунгсхольмене. Поэтому в нем всегда много полицейских, адвокатов и тех, кто направляется в зал суда или только что оттуда вышел. Я имел обыкновение подолгу сидеть там с тех пор, как оставил газету. Обстановка в залах была самая что ни на есть рабочая. Правда, иногда бывало трудно сосредоточиться, особенно когда за соседним столиком адвокат консультировал клиента. Поп-звезды и музыканты, бывшие боксеры и рекламные агенты, дизайнеры и инженеры, актеры и туристы из Сконе, фотографы, журналисты, футболисты, собаководы и мамы с маленькими детьми – кто только не зависал в кафе «Иль».

Сегодня, в воскресенье, здесь было спокойнее, чем в будние дни. Похоже, в последние годы бизнесмены шведской столицы переняли распорядок дня у нью-йоркских или лондонских коллег. В выходные они спят до полудня, а потом, выбравшись из постели, в тренировочных брюках являются на завтрак, во время которого допускаются разговоры только о ценах на квартиры и детские коляски, да еще о том, кто с кем сошелся или наоборот, – и ни слова о делах.

Сам я сидел с кофе латте, бутербродом с твердым сыром и пачкой газет. Как и следовало ожидать, новость об убийстве в Гётеборге оказалась на первых полосах.

Только имени Йеспера Грёнберга нигде не упоминалось.

На этом отыгрались вечерние газеты, не пожалевшие красок для живописания злоключений некогда успешного и популярного политика. Одна поместила материал о Грёнберге на первую полосу, другая отвела ему колонку слева, с большим снимком мертвой женщины – ракурс сзади – и подписью: «Задница – почти как вы хотели». Будто ее твердые, идеальных форм ягодичы – единственное, что могло заинтересовать обывателя в этом деле.

В статьях я не нашел ничего, кроме того, что сообщил мне Карл-Эрик, – желающим узнать отель и номер, в котором обнаружили мертвую женщину, не оставалось ничего, кроме как самим звонить в полицию. Одна газета умолчала, что на Грёнберге не было штанов, другие же, в их числе – бывший мой работодатель, напротив, муссировали эту деталь. Оба издания поместили старый снимок, на котором пьяный Грёнберг во всю глотку орал «Hungry Heart» на партийной вечеринке.

Покойницу журналисты обозвали «таинственной незнакомкой». Здесь следовало бы добавить, что Йеспера Грёнберга всю жизнь окружали «таинственные незнакомки», в гораздо большем количестве, чем это приличествовало человеку его положения – министру по вопросам гендерного равенства, отцу семейства и т. д. и т. п.

К моему столику подошла молодая женщина в куртке и спортивных брюках.

– Могу я взять у вас несколько газет? – поинтересовалась она.

– Нет, – ответил я и пояснил, глядя в ее округлившиеся от удивления глаза: – Это мои газеты, я купил их на собственные деньги.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего. Покупать газеты? В наше время? Разве информация не предоставляется бесплатно?

– Простите, я думала, они здесь лежали, – пробормотала она.

Я пожал плечами:

– Что поделать, я – представитель вымирающего вида.

Такова была ситуация, в которой оказались все печатные издания. Вероятно, газеты покупали только мы с Карлом-Эриком. Он брал по два экземпляра своей и один – какой-нибудь другой. Таким образом, счет получался два – один не в пользу конкурентов.

Женщина села за впаянный в стену столик у барной стойки и не отрываясь смотрела на меня.

Я вернулся к очередному пересказу биографии Грэнберга, как в некрологах.

От прорыва в SSU^[22] до головокружительной партийной карьеры. Газетчики писали о моложавости, миловидности и «обаянии молодости» Грэнберга – качествах, благодаря которым он получил когда-то знаменитое прозвище – Новый Кеннеди. О кабаках и женщинах они по-прежнему умалчивали. А ведь это не меньше роднило Грэнберга с Кеннеди, да и не только с ним.

В целом все это выглядело смешно. Кеннеди принадлежал к ушедшей эпохе, поэтому эпитет газетчиков был обращен скорее к пожилым политикам и редакторам, чем к молодым избирателям, для которых слово «Кеннеди» означало не более чем название аэропорта близ Нью-Йорка.

Как выяснилось, моя газета тоже приложила руку к освещению убийства в Гётеборге, хотя и без моего участия. Правда, в полиции Гётеборга и Мальмё репортерам объяснили, что никаких версий происшедшего до сих пор не выдвинуто и что следователи стараются действовать без предубеждений, – в общем, та же галиматья, что и всегда. Тим Янссон, Щенок, писал, что уже вышел на связь с Томми Санделлем, но тот отказался комментировать последние события. «Оставил без комментариев» – эта фраза повторялась в короткой статье три раза. Зато рядом помещалось большое факсимиле моего репортажа из Истада, того самого, под заголовком «Жизнь только начинается». Щенку я не поверил. Томми Санделль никогда не упускал случая поговорить с прессой. Отказ от комментариев мог объясняться лишь тем, что от журналистов его прятали. Я был больше чем уверен: Щенок с ним не общался.

Новый партийный лидер высказался в телеграмме ТТ и на двух созванных на скорую руку пресс-конференциях: Йеспер Грэнберг – деятельный и надежный соратник и было бы разумно воздержаться от выводов до окончательного прояснения ситуации.

Лицемеры и лжецы. Все они прекрасно знали, кто такой Йеспер Грэнберг и что своих избирателей он обманывал не меньше, чем собственную жену. Но он действовал в рамках закона, проблема носила исключительно моральный характер. А в том, что мораль есть у меня, я до сих пор сомневался.

Эва Монссон не отвечала на звонки, зато объявился Карл-Эрик Юханссон.

Я стоял у стойки кафе «Иль» и заказывал приветливой девушке с интересной татуировкой на плече очередной кофе, заодно подумывая, не взять ли мне пару отвратительных на вид маслянистых булочек с кардамоном, только что прибывших из пекарни «Фабрик».

Дама, которая покушалась на мои газеты, все еще за мной наблюдала. Я чувствовал на себе ее взгляд, возвращаясь за столик с кофе и булочками.

– Говори, – разрешил я Карлу-Эрику.

– Ты звонил своей подруге из Мальмё?

– Я только и делаю, что звоню ей.

Карл-Эрик застонал:

– Кто эта женщина, им так или иначе известно. Если личность удалось установить не сразу, значит ее вещи и документы пропали. Разве в Мальмё было не так?

– Именно так, – согласился я.

– Значит, действовал один и тот же человек, верно?

– Ты имеешь в виду того, кто это сделал?

– Да.

– Возможно.

– Так или иначе, она живет... прости, жила в Мальмё, ей было сорок семь лет, она занималась не проституцией, а импортом вина, и звали ее... Подожди, я посмотрю, это совсем свежее... звали ее... – Последнее было лишнее, но Карл-Эрик об этом не знал. Он еще несколько минут рылся в бумагах, прежде чем закончил фразу: – И звали ее Ульрика Пальмгрен.

Эва Монссон позвонила вечером.

Я спросил, почему она не отвечала раньше, всячески скрывая растущее беспокойство, в котором пока не решался признаться самому себе.

Она говорила о гала-концерте рокабилли, который проходил в Гётеборге, о забытом дома мобильном телефоне и о том, как ей без него было хорошо.

– Там выступали две по-настоящему здоровские группы, – вспоминала Эва. – Одна португальская – «Mean Devils», а другая – «Carlos & The Bandidos» из Великобритании. У них были такие мексиканские шляпы...

– Сомбреро – неизменный атрибут поп-культуры, – пояснил я.

В моей голове роились мысли, но облечь их в словесную форму не получалось. Когда же не возникало проблем с формулировками, я просто не решался их озвучить. Убийство произошло в Гётеборге, но ведь Ульрика Пальмгрен жила в Мальмё, и я уже не сомневался, что Эва Монссон вовлечена в это расследование.

Случай с пожарным шлемом снова и снова прокручивался в моей голове, подобно сцене из немого кино. Сохранился ли этот шлем? И если да, то остались ли на нем мои отпечатки?

Вне всякого сомнения, в другой раз меня бы очень заинтересовал рассказ Эвы о рокабилли-концерте в Гётеборге, я и сам симпатизирую этому направлению. Но тогда я слушал ее вполуха, пока, не выдержав, не прервал на полуслове:

– Прости, ты в курсе, что там произошло убийство?

– Да, мне только что звонил инспектор Йоранссон из Гётеборга – несносный тип. Сказал, что в гостиничном номере нашли Йеспера Грэнберга рядом с мертвой женщиной. Черт знает что!

– То же, что в Мальмё, – напомнил я.

– Я ничего не знаю, кроме того, что сообщил мне Йоранссон, – вздохнула она. – Теперь займемся ее квартирой, может, что-нибудь отыщется.

Ноутбук! У Ульрики Пальмгрен был ноутбук. Где он сейчас? Ульрика, конечно, взяла его в Гётеборг, если встречалась там с клиентами. В таком случае он уже в полиции.

Она наверняка сохраняет письма, женщины всегда так делают. Только мы, мужчины, своевременно удаляем все лишнее. Или так поступаю один я?

Если в тот момент у меня и возникло чувство вины, то весьма смутное. И этим объяснялось, что я не сказал Эве всей правды. Я вообще не сказал ей правды, хотя она

неоднократно меня спрашивала, точнее – намекала.

Завершив разговор, я подошел к столу и включил ноутбук.

За последние сутки мне пришло только одно письмо, и я сразу понял от кого.

На этот раз о порке ни слова :) –

писал мой анонимный друг.

Он не был обделен чувством юмора.

В ту ночь я спал плохо, если спал вообще.

Зато к утру в голове созрел замечательный план.

Я должен извлечь из Щенка максимальную пользу.

Мальмё, февраль

На следующее утро я позвонил Эве Монссон через коммутатор полицейского участка. Тем самым хотел показать ей и ее коллегам, что настроен говорить по делу, а не обсуждать рокабилли-концерты или телесериалы.

– Монссон, – представилась она в трубку.

– Свенссон, – отозвался я.

– И чего ты хочешь?

– Как продвигается расследование убийства? – поинтересовался я.

– Я в нем не участвую. Обращайся в полицию Гётеборга.

– В таком случае я хотел бы открыть тебе еще одну вещь.

– Да?

Тут я рассказал ей, что Щенок – она ведь его помнит? – сообщил, опираясь на информатора из полиции, даже если таковой существует только в его воображении, что оба убийства – своего рода проявление S & M. Это, разумеется, ложь, но еще и намек на то, что не один я получал загадочные письма.

– Но он нигде об этом не пишет, и ты тоже ничего никому не должна говорить.

Некоторое время она молчала.

– Ты помнишь Щенка? – спросил я. – Ты еще называла его Кутенком?

– Придурком, – поправила она.

– Я не знаю, с кем он там говорил и кто из ваших раскололся, – продолжал я. – Но мне кажется, нам с тобой следует проверить и эту версию, пока он не наломал дров.

Послышался звук, как будто по полу шаркнула ножка стула, а потом Эва сказала:

– Подожди, я закрою дверь.

Я подумал, что совершенно не представляю себе, как она работает и как выглядит ее офис, если в полиции рабочее место называется офисом. Висят ли у нее на стенах афиши групп рокабилли, разрешают ли в полиции такое?

– Гм... – протянула Эва в трубку, – даже не знаю, что тебе ответить. Вероятно, для начала я должна переговорить с начальством и с тем занудой из Гётеборга...

– Но ведь ты не отмечаешь версию?

– Что тебе сказать? – вздохнула Эва. – Как там выражаются политики? «Без комментариев»? Вот и я отвечу: «Без комментариев». И помни: если тебе вздумается что-нибудь на эту тему написать, то я слежу за каждым твоим шагом. Приду к тебе с ножницами и выколю глаз, так и знай!

Я не стал уточнять, почему именно ножницы, а не нож или шило, более подходящие для озвученной цели. Так или иначе, мы договорились, что она перезвонит мне в течение дня. А если я до вечера не дождусь от нее весточки, буду звонить на мобильный.

У меня возникло чувство, что я на правильном пути, хотя все еще не представлял, куда он ведет и каковы мои цели.

В одном не приходилось сомневаться: мне снова нужно в Мальмё.

С Эвой мы встретились в моем номере в гостинице «Мэстер Юхан». Накануне вечером она позвонила и сказала, что хочет переговорить со мной с глазу на глаз, там, где нам никто

не помешает. И я предложил «Мэстер Юхан».

В шесть утра я выехал из Стокгольма, а в полдень мы уже сидели на мягких креслах, каждый со своей чашкой кофе, и лакомились печеньем, которое я прихватил в зале для завтраков.

Эва распустила волосы, как и во время нашей последней встречи. А под поношенной кожаной курткой элегантного покроя обнаружилась белая блузка, идеально гармонировавшая с синими джинсами. На столе лежала стопка газет со статьями об Ульрике Пальмгрен и о том, как ее друзья и подруги шокированы случившимся. Некоторые материалы проиллюстрировали фотографиями с подписями «Эксклюзив», «Только для наших читателей»... Сколько друзей и подруг уже успело нагреть руки на смерти Ульрики? Если после этого их еще можно считать друзьями и подругами... На снимках Ульрика выглядела совсем иначе, чем в жизни, – старше, с более короткими волосами. Устроившись в кресле, Эва пробежала глазами газетные полосы, после чего вытащила на стол потертый портфель и достала большую папку.

– Даже не знаю, с чего начать, – проговорила она. – Видишь ли... дело в том, что ты не ошибся. По крайней мере, отчасти...

– Щенок что-то нашел? – удивился я, заглядывая в глаза Эве.

– Видишь ли, – повторила она, раскрывая папку, – здесь нет того, что принято считать классическими проявлениями S & M: ни плетей, ни веревок – ничего такого... Тем не менее и полька, и Ульрика... – она пролистала несколько снимков из папки, – их обеих высекли.

– Что? – переспросил я, стараясь выглядеть более шокированным, чем был на самом деле.

– Я не видела Пальмгрен, но шары польки были цвета свежесваренных раков.

– Никогда не говори «шары» в Стокгольме, здесь это означает совсем другое, – предупредил я.

– Хорошо, ягодицы, – поправилась она. – Так лучше? – (Я пожал плечами.) – Я получила факс из Гётеборга с фотографиями Пальмгрен. Ее ягодицы, – она выделила голосом это слово, – выглядели не лучше. Так что, похоже, действовал один и тот же человек.

– Но ты ведь не думаешь, что это Грэнберг? – спросил я.

– Нет, хотя он жив, как и Санделль, он тоже жертва. Помимо всего прочего, он не помнит, где потерял брюки. Кто-то втащил его в номер Пальмгрен и раздел.

Эва надела очки и еще раз прошла по тому, что было известно полиции об этих случаях. Совершенно незаметно исчез ее грубый сконский диалект, и она заговорила как тогда, на телевидении, – увлеченно и логически связно, немного официально, но, во всяком случае, понятно.

Ни в Мальмё, ни в Гётеборге не удалось обнаружить ни единой зацепки. Йеспер Грэнберг смутно помнил одно: как отказался идти со всеми на Пуш, вместо этого остался в баре, где выпил слишком много.

– Гётеборгский зануда считает, что Грэнберга накачали таблетками, – пояснила Эва. – Он собирается искать следы снотворного в крови. Но следует учесть и мочегонный эффект спиртного.

Если не считать исполосованных ягодиц, на теле Юстины Каспршик не обнаружено никаких следов насилия. Ее задушили, но, похоже, руками. На шее не осталось даже синяков.

– Такое впечатление, что полька пошла на это добровольно. – Эва Монссон посмотрела на меня поверх очков. – Мало ли на свете больных...

– Болезнь болезнью, а порка нынче едва ли не популярнее миссионерской позы, – заметил я. – Да и само S & M – что-то вроде национального движения или хард-рока.

– А ты откуда знаешь? – Она сняла очки и поправила упавшую на лоб челку.

– Читаю газеты.

Эва снова водрузила на нос очки и продолжила: в квартире у Пальмгрен также не удалось обнаружить никаких следов. Кроме того, пропал ее ноутбук.

– Она занималась бизнесом, значит ноутбук должен быть.

– А что, если она взяла его в Гётеборг? – предположил я.

– Возможно, – согласилась Эва. – Мы прослушали ее автоответчик. Там оказалось только одно сообщение от дочери, которая учится в Копенгагене. Не знаю, о чем говорить с ней, пусть ею занимаются в Гётеборге. Более того, у нее, как и у мамы, пропал мобильный.

Я едва не спросил, не заметили ли полицейские пожарный шлем в квартире Пальмгрен, но воздержался. Скорее всего, его она тоже взяла в Гётеборг.

– И здесь наблюдается одно маленькое отличие, – добавила Эва.

– Какое? – насторожился я.

– Непохоже, что Пальмгрен пошла на это добровольно, несмотря на все, что ты говорил о национальных движениях.

– Объясни.

– У нее содрана кожа на запястьях, то есть надевали наручники. И она была задушена ремнем, предположительно от брюк, точно не известно. Согласно выводам криминалистов, польку просто отшлепали ладонью, в то время как в случае с Пальмгрен преступник использовал подручное средство, что-то плоское и рубящее.

Она вытащила из папки еще один лист и положила передо мной.

Мне показалось, что я узнал ягодицы Ульрики Пальмгрен. Их сняли с трех ракурсов: сверху, справа и слева. При мне они были белыми, на фотографиях – красными и опухшими. Думаю, Эва ошибается насчет подручного средства. Ульрику били чем-то вроде массажной щетки, я не раз видел такое в порнографических фильмах.

– Но почему они сразу этого не сказали? – удивился я.

– Эксперты решили подождать, – ответила Эва. – Они полагают, что мы имеем дело с психом, серийным убийцей, который страшно разочаруется, если не попадет на первые газетные полосы. Настолько разочаруется, что так или иначе обнаружит себя. Даст о себе знать. Они вообще очень много воображают и слишком любят телесериалы. Это в американских фильмах вроде «Места преступления» или «Мыслить как преступник» действуют сверхпрофессиональные следователи и не менее техничные бандиты. На деле же чаще всего речь идет о случайности, импровизации как в части совершения, так и раскрытия преступлений. Поэтому мы молчим. Это как с тем придурком, который расстреливал эмигрантов в городе. Кое-какие факты о нем решили не разглашать.

– Что именно?

Эва Монссон улыбнулась и покачала головой.

– Да, и еще одно, – начала она, дав понять, что предыдущая тема закрыта. – Трусы Ульрики Пальмгрен были надеты задом наперед. Значит, тот, кто это сделал, либо ничего не понимает в женском белье, либо очень торопился. Последнее странно, если учесть, что во всем остальном он был очень аккуратен.

– Может, просто не привык?

– К чему? – не поняла Эва.

– Мм... К женщинам и их нижнему белью.

Эва поднесла к глазам новый лист из папки:

– На польке были самые обыкновенные трусы, но на Пальмгрен – чулки, пояс с крючочками, петельками и все такое.

– И он не пытался ее изнасиловать?

– Нет, – покачала головой Эва. – Ничто не указывало на половой акт, добровольный или принудительный. Он, похоже, даже не онанировал, потому что в этом случае криминалисты наверняка обнаружили бы следы спермы.

– Он хотел ее наказать, – предположил я.

– Он наказывает и женщин, и мужчин. Первым устраивает порку и убивает, вторых публично выставляет в невыгодном свете. Не надо быть профессионалом, чтобы понять это. Вопрос: за что?

Эва снова сняла очки и положила в футляр.

Я мог бы добавить, что профессионалы не ошиблись еще в одном важном пункте: наш герой действительно дает о себе знать. И его последний мейл, каким бы коротким он ни был, дышал разочарованием. Еще бы, ведь никто из журналистов не отметил одной детали, очень, по-видимому, для него важной, которой он страшно гордится. Он хочет, горит желанием выйти из тени.

– Я могу об этом написать? – робко поинтересовался я.

– Можешь, только, пожалуйста, воздержись от цитирования. Не раскрывай источников информации. Я имею в виду себя и своих коллег из Мальмё и Гётеборга.

Я помог Эве надеть куртку и проводил к лифту.

– Когда это будет в печати? – уточнила она.

– Не знаю, нужно позвонить, – ответил я.

– Он забрал документы и мобильник Пальмгрен, – продолжала Эва. – Но сумки с одеждой остались в номере. Нам удалось обнаружить на них только отпечатки самой Пальмгрен и Грёнберга. Очевидно, он рылся в ее вещах в надежде найти чем прикрыть наготу.

С этими словами инспектор Монссон махнула мне рукой и вошла в лифт.

Через час я расплатился за номер и выехал в Стокгольм.

Ночь была лунной. Найти место для парковки в шведской столице, как всегда, оказалось непросто.

Стокгольм, март

Никак не привыкну к тишине, в которой тонут современные редакции.

Когда я числился в газете мальчиком на побегушках, в офисе без умолку стучали пишущие машинки, стрекотали телетайпы. И главный, закатав рукава, со строкомером в руках и с раскрасневшимися щеками, выкрикивал названия рубрик, заголовки статей и подписи к снимкам. Гудела пневматическая почта, рукописи проходили через редакцию и отправлялись в наборный цех, где было невозможно разговаривать от стука машинок.

У наборщиков стоял холодильник с пивом, за которое отвечал старший по цеху. А я только и делал, что гонял между наборщиками и редакцией – с сумками, полными бутылок, когда бежал вверх, и набитыми ассигнациями карманами, когда спускался вниз. Кроме того, я принимал заказы на горячие сосиски, за которыми ездил на велосипеде на Фискарторг, – до тридцати разновидностей сосисок, с пюре и без, и хлеб. И пиво, само собой. Бывало, главный, наклюкавшись, падал носом в стол, а я стоял над ворохом верстки с его более чем отрывочными эскизами страниц – для Симрисхамна, Кристианстада, Хэссলেখольма и Персторпа – и пытался собрать по клочкам хотя бы часть газеты.

И когда вечером номер наконец выходил из типографии, все здание редакции трясло, будто мы находились на огромном пароме посреди бушующего моря.

В залах пахло металлом и типографской краской, и все это утопало в табачном дыме, как в лондонском тумане.

Сейчас в Лондоне нет туманов.

И мало кто помнит о существовании газет.

И никакого просвета.

Мир будто погрузился в спячку.

В коридорах никого не видно, никто не орет в телефонную трубку.

Зачем, когда есть мобильники?

Карл-Эрик Юханссон встретил меня на входе, у вахты.

Я представился внушительного вида лысому охраннику, которому больше подошла бы роль главаря банды или героя футбольных дерби, и получил на грудь значок: «Гость. Свенссон».

Несмотря на бесконечное общение по телефону, с Карлом-Эриком мы не виделись почти год. Трудно сказать, сколько волос он потерял за это время. Юханссон принадлежал к числу тех мужчин, которые лысеют, едва выйдя из подросткового возраста.

На Карле-Эрике был светлый костюм и белоснежная рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Я слышал о новых дресс-кодах, и все же его внешний вид меня удивил.

Мы миновали еще две двери, которые Карл-Эрик открыл ключом-карточкой, вышли к лифтам и поднялись на недостижимую для простых смертных высоту.

Собственно говоря, все происходило в квартале, застроенном небоскребами и офисными зданиями, битком набитыми малыми предприятиями и рекламными агентствами, частными клиниками и радиостанциями, ремонтными мастерскими, гаражами и тренажерными залами.

Прессе отводился отдельный этаж, ступив под низкие своды которого я сразу понял,

почему предпочитаю работать в кафе «Иль». Нет ничего губительнее для журналиста, чем сидеть за стеклянной перегородкой. Офис открытого типа – что может быть дальше от реальной жизни и от мест, где эта жизнь творится, – городских и сельских улиц, футбольных стадионов, рок-клубов, привокзальных буфетов и подземных переходов метро.

Я не появлялся в редакции со дня увольнения. За пластиковыми ширмами и полупрозрачными стенками мелькали незнакомые молодые лица. Несколько старых сослуживцев курили на улице и выглядели на удивление постаревшими, усталыми и измотанными.

– А здесь делают нашу интернет-версию, – объявил Карл-Эрик и обвел рукой территорию, занимавшую по меньшей мере три четверти общей редакционной площади.

Я и раньше читал, что будущее за Интернетом, что виртуальные издания должны вытеснить бумажные, которые в лучшем случае станут их необязательными приложениями. Единственное, чего не ожидал, – что это будущее наступит так скоро.

– Нас ждут. – Карл-Эрик махнул рукой.

Я не слушал. Снова и снова обводил глазами офисный зал, но, как ни вглядывался, не мог узнать никого, кроме старого вахтера, который всегда был приветлив со мной. Когда-то он заведовал парковкой во дворе, а сейчас сидел на коммутаторе.

– Что, опять перестроились? – спросил я вахтера, кивая в сторону зала.

– Уже третий раз перестраиваемся, – проворчал он. – Было время, всю газету запихнули в подвал.

Мы прошли по коридору, на его стенах висели фотографии главных редакторов в позолоченных рамах. Похоже, время тоже ускорилося. Если за первые тридцать лет на этом посту сменилось всего три человека, то теперь едва ли не каждый год галерея пополнялась новым портретом.

Последней была женщина – Анна-Карин Экдаль.

Мы встретились с ней в одной из многочисленных комнат для переговоров – просторном помещении с огромным белым столом. По моим подсчетам, ей было за сорок, но выглядела она моложе. Анна-Карин держалась на посту уже больше года – рекордно долгий срок для последнего десятилетия.

Мне почти не пришлось с ней работать, но я много о ней слышал. Амбициозная охотница за новостями из Вестергётланда, она отличалась редкой трудоспособностью и могла заночевать в комнате для отдыха в редакции, если того требовали обстоятельства. С годами она накопила опыта и стала хитрее, брала одну высоту за другой на крутой карьерной лестнице, пока не прыгнула в редакторское кресло.

Ходили слухи, что и здесь не обошлось без интимных услуг высокопоставленным лицам. Не знаю, с кем она ложилась в постель, оказавшись в Стокгольме, но, будь она мужчиной, ее подвиги ставились бы ей в заслугу.

Мы с ней почти не общались – принадлежали к разным поколениям и разному кругу интересов. Она была высокой и спортивной, в интервью часто повторяла, что любит бегать трусцой. Носила короткие стрижки и красила волосы в пепельный цвет. Идеальную форму бровей корректировала в салонах красоты и в редакции всегда появлялась в темном костюме с брошью на лацкане воротника.

Брошь вспыхивала, стоило Анне-Карин повернуться под определенным углом к свету.

Блузка ослепляла белизной.

Подозреваю, она была не замужем, но жила с журналистом, который возглавлял

производственный отдел и делал на телевидении реалити-шоу.

Рядом с Анной-Карин Экдаль сидела Лотта Берг, которую Карл-Эрик Юханссон представил как редактора отдела новостей. Я никогда прежде не видел ее и ничего не слышал о ней. Лотта была молодой блондинкой, в просторном белом платье с наброшенной на плечи голубой кофтой.

Я понял, что это неспроста.

Напротив Лотты расположился Мартин Янзон, тоже редактор отдела новостей. Из всех присутствующих, кроме Карла-Эрика, его я, пожалуй, знал лучше всех. Несмотря на его юный возраст или даже благодаря ему. Самое удивительное, что и на Мартина удалось натянуть костюм.

Даниэль Клэссон, редактор веб-версии.

Казалось, он получил свое место только потому, что начальство не знало, куда его приткнуть. Клэссон принадлежал к числу тех мелких, плюгавых мужчин, которые своим поведением стараются компенсировать все, чем их обделила природа. Говорил он рублеными фразами и всегда в командном тоне, как сержант, любил тыкать в собеседника пальцем и входил при этом в такой раж, что не замечал смешков за спиной.

– Хотите кофе или минеральной воды? В автомате есть шоколадные шарики, – предложила Анна-Карин.

Я отказался. Карл-Эрик в общих чертах обрисовал ситуацию, и я приступил к изложению подробностей.

Лотта Берг делала пометки в блокноте. Клэссон строчил как одержимый. Карл-Эрик Юханссон, по своему обыкновению, что-то выводил в записной книжке.

Анна-Карин Экдаль сидела уронив голову на руки. Янзон слушал, откинувшись на спинку кресла.

Когда я закончил, повисла тишина.

Первой заговорила Анна-Карин. Не думаю, что остальные ждали ее слова, просто она быстрее всех сформулировала свои чувства.

– Это... это зашибись, Харри! – прошептала она. – Просто зашибись...

– Хм... Может, и так. – Я скромно пожал плечами.

Карл-Эрик Юханссон и раньше высказывал опасения на тему «что можно, а чего нельзя публиковать», но брюзжал только потому, что был инициатором встречи. Теперь же, когда мы собрались вместе и перешли к делу, сомнения развеялись сами собой.

– Значит, говорите, порка? – переспросила Анна-Карин. – И как нам это назвать? «Убийства с розгой» или, может... «Экзекутор»? Что скажете?

– Мм... Неплохо... – одобрил Мартин.

– «Убийства с розгой» будет лучше смотреться в анонсе номера, – кивнула главный редактор. – «Убийства с розгой» в анонсе, «Экзекутор» – заголовок. На том и порешим. Спасибо, Мартин.

Быстрые решения – вот то, что мне в ней нравилось. Возможно, владелец газеты после модной нынче критики по поводу доминирования в его организации мужчин искал именно такую женщину – которой не занимать решительности у сильного пола.

Как журналист, Анна-Карин Экдаль всегда балансировала на грани дозволенного, выглядела настоящей железной леди в теледебатах, а ее блог был одним из самых популярных и цитируемых.

– И, кроме вас, над этим никто не работает? – спросила она меня.

– Никто.

– Точно?

– Абсолютно.

– Прекрасно. Итак, – продолжила она, – Харри занимается непосредственно этой историей. Лотта и Мартин ищут дополнительные материалы с максимальным числом подробностей. Например, о шефе полиции, который оказался лидером тоталитарной секты, или о психе из Халланда, который устроил у себя в подвале камеру пыток. Эмма объяснит, что за болезнь стоит за всеми этими садомазо, Хелена осветит медицинскую сторону или что-нибудь в этом роде, не знаю... А Крюгера мы попросим поразмышлять над тем, о каких изменениях в шведском обществе свидетельствует это явление.

Эмма Лундин была кем-то вроде штатного сексолога. Хелена Бергквист писала на медицинские темы, а пенсионера Бертила Крюгера призывали каждый раз, когда требовалась жесткая политическая критика, особенно в адрес социал-демократов, или нужно было порассуждать о кризисе общества, если это не одно и то же.

– Анонс, мы должны подумать об анонсе, – напомнила главный редактор. – Займешься этим, Мартин?

Мартин кивнул.

– А что с веб-версией? – подал голос Даниэль Клэссон.

Это была его первая реплика за все совещание.

Анна-Карин Экдаль повернулась ко мне:

– Вы гарантируете, что мы одни? – (Я кивнул.) – В таком случае наплевать на веб-версию. У нас будет большой эксклюзивный материал на бумаге, а в Интернете выложим его не раньше завтрашнего утра.

– Возможно, не стоит особенно упираться на то, что мы имеем дело с большим, – осторожно заметил я. – У нас ведь была воскресная рубрика о том, что порка – современное дополнение к сексу. Это своего рода национальное движение, разве мы не писали об этом? – (Мне никто не возразил.) – Первые изображения агрессивного секса обнаружены на стенах египетских пирамид, – добавил я.

– Не грузите, – махнула рукой Лотта Берг.

Это единственное, что она изрекла за вечер.

– Будет нелишним просветить народ, – возразил я. – В конце концов, на то мы и журналисты.

– Это популярное чтение, – напомнила Анна-Карин. – Хорошие продажи и много кликов на веб-странице – вот что мы имеем каждый раз, когда пишем на подобные темы. Много воды утекло с тех пор, как у нас прошел материал о сектанте и его женщинах? В Сети выложен фильм, и он до сих пор популярен. Неплохо было бы вытащить и этого сектанта. Он жив, интересно?

– А что с ним сделается? – пожал плечами Карл-Эрик.

– В тот раз он выглядел таким хлюпиком, – засомневалась Анна-Карин.

– Хлюпиком он был с рождения, – успокоил ее Юханссон.

– Что-нибудь еще? – Анна-Карин обвела взглядом присутствующих.

– А что с Грэнбергом? – спросил я. – Не думаю, что он связан с садомазо, но упомянуть его, по-моему, лишним не будет. Вы не против, Анна-Карин?

– Вовсе нет, – согласилась главный редактор. – Мне нравится ваша идея. Пусть Крюгер приведет его в качестве примера того, куда катится шведское общество.

– В таком случае стоит снова опубликовать фото, где он поет «Hungry Heart», – предложил я. – Можно ли красноречивее проиллюстрировать падение поклонника Спрингстина?

Мартин Янзон рассмеялся, а остальные поджали губы. Все знали, что Анна-Карин Экдаль горячая поклонница Спрингстина.

– Так и поступим. – Главный редактор хлопнула ладонью по столу, объявляя, что заседание окончено.

На все про все ушло семнадцать минут, я засекал по мобильнику. Я искренне восхитился ее организованностью.

– Будете писать здесь? – поинтересовалась Анна-Карин.

– Нет, у меня кабинет в другом месте.

– Где же?

– На Кунгсхольмене, рядом с полицейским участком.

– А почему вы от нас ушли? Нам нужны такие репортажи.

– Слишком много заседаний, а «такие репортажи» требуют свободы. – Я вздохнул. – На самом деле я сам не знаю.

Последнее больше походило на правду.

Просто в один прекрасный день все закончилось. Финансовое состояние газеты ухудшилось, и в результате несколько лет подряд мы занимались исключительно обсасыванием сплетен о знаменитостях, выуживая их на англоязычных сайтах.

– Мне кажется, я на правильном пути, – добавил я, но Анна-Карин уже выскочила в коридор.

Быть может, торопилась на другую, не менее важную встречу.

На ней была узкая юбка, которая, кажется, называется «карандаш», – модель более чем уместная в газете.

Похоже, мужчин обязали приходить в редакцию в костюмах, а женщин – в платьях или юбках.

Карл-Эрик провел меня вниз, к брутального вида вахтеру, мы снова пошли по тихим редакционным коридорам.

Весь следующий день я намеревался провести за ноутбуком. Был уверен, что получу письмо от анонима, как только газета выйдет, и надеялся оказаться достаточно проворным, чтобы ответить ему, прежде чем он исчезнет из Сети.

Однако в тот вечер я выпил слишком много пива и кальвадоса и поэтому проспал дольше, чем рассчитывал, а будильник на мобильнике поставил не на то время.

И когда я включил ноутбук и зашел в почту, письмо уже было на месте.

Значит, «эксекютор», – писал загадочный корреспондент. – Что ж, можно и так.

Гётеборг, март

Верить газетным новостям – все равно что ловить рыбу за хвост.

Я никогда не понимал этого выражения, возможно, потому, что никогда не видел, как ловят за хвост рыбу.

Тем не менее журналисты быстро устают, это факт.

В то время как читатели ждут дальнейшего развития темы, редакторы не дают нам засиживаться на месте. Им нужны все новые скандалы и разоблачения.

Или я что-то путаю?

Истории с продолжением не имеют успеха в современных СМИ, где диетические и медицинские советы и результаты тестирования компьютеров и автомобильных шин повторяются с периодичностью в два-три месяца. Другое дело – в прежние времена, когда каждый начинал день с утренней газеты.

Сейчас же среднестатистический обыватель покупает один-два номера в неделю, и подобные «сериалы» вряд ли имеют смысл.

Но с «эксекутором» все вышло иначе.

Его драма, разыгравшаяся в формате А1, продолжалась из номера в номер. Со временем она стала занимать меньше места и сместилась с первых полос ближе к концу. Но не исчезла.

[Купить полную версию книги](#)

Доминант, сабмиссив – роли соответственно «господина» и «подчиненного» в играх БСМД. – Здесь и далее примеч. перев.

Микаэль Биндефельд – известный в Швеции организатор праздников.

Приди в мои объятия, и я отведу тебя на пик дьявола *(англ.)*.

Бромма – аэропорт в Стокгольме.

Шаде Аду – вокалистка британской группы «Шаде». *Нора Джонс, Мелоди Гардо* – американские джазовые певицы.

Блюз Престона Фостера (1959), ставший популярным благодаря американскому певцу Мадди Уотерсу.

Сконе – провинция на юге Швеции.

Джонни Кэш – американский исполнитель в стиле кантри.

«Фейсис», «Доктор Филгуд» – британские рок-группы.

«Блокет» – сеть магазинов в Швеции.

«*TGF*» («Thank God It's Friday») – сеть ресторанов в Швеции, названная в честь одноименной музыкальной комедии американского режиссера Роберта Клейна.

Брюс Спрингстин – американский рок- и фолк-музыкант.

История целиком (*англ.*).

Популярные музыкальные программы на шведском телевидении.

Новостное агентство в Швеции.

Прогг-рок («прогрессивный рок») – шведское музыкальное движение 1960–1970 гг., отличавшееся интересом к народной музыке.

Курение убивает *(англ.)*.

S & M (Sado & Mazo) – песня американской рок-группы «Thin Lizzy».

«Человек с лазером» – Юн Аусониус – известный в Швеции преступник, убивавший в 1990-е гг. эмигрантов. Использовал оружие с лазерным прицелом.

Река в Южной Швеции.

Зеб Макахан – герой американского вестерна 1970-х гг. Мужественный ковбой.

SSU (Шведский социал-демократический союз молодежи) – молодежная организация, основанная в 1917 г.